
РОЗОВАЯ БИБЛІОТЕКА
АБРАГАМЪ ЛИНКОЛЬНЪ
ОСВОБОДИТЕЛЬ НЕВОЛЬНИКОВЪ
РАЗСКАЗЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ
В. ГОФМАНА
ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО
ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ

Hoffman
(Russian)
M 3832
LINCOLN NATIONAL
LIFE FOUNDATION

Hoffmann
"G. F. Liberator of Slaves"

O.686
F.424
M.3832

АБРАГАМЪ ЛИНКОЛЬНЪ,

ОСВОБОДИТЕЛЬ НЕВОЛЬНИКОВЪ.

РАЗСКАЗЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

В. ГОФМАНА.

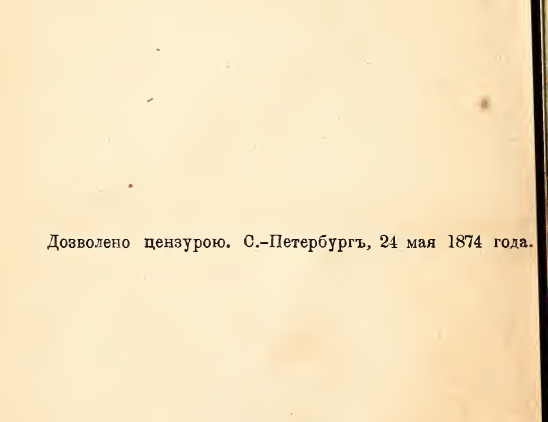
Переводъ съ нѣмецкаго.



ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный Дворъ, №№ 18, 19 и 20.

МОСКВА, Кузнецкій Мостъ, д. Рудакова.



Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 мая 1874 года.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ М. О. ВОЛЬФА (СПБ., ПО ФОНТАНКѢ, № 59).

АБРАГАМЪ ЛИНКОЛЬНЪ.

I.

Мученическая смерть.

Была Страстная пятница 1865 г.

Столица Союза, Уашингтонъ, радовалась и ликовала: Ричмондъ палъ, враги лишились послѣдняго и главнаго оплота; война кончилась, ужасная, продолжительная война между сѣверными и южными штатами Сѣверной Америки, между свободою и рабствомъ,—и свобода торжествовала.

Въ Сѣверной Америкѣ Страстная недѣля не празднуется такъ торжественно, какъ у насъ. Не закрываются ни присутственныя мѣста, ни лавки, ни театры. Такъ и въ эту Страстную пятницу, въ 7 ч. вечера, т. е. за цѣлый часъ до представленія, публика толпами собиралась въ главный театръ города Уашингтона. Наконецъ двери растворились, и масса народа устремилась разбирать мѣ-

ста. Въ этотъ вечеръ каждый поденщикъ непремѣнно хотѣлъ быть въ театрѣ и добивался во что бы то ни стало „хорошаго мѣста."

Театръ скоро биткомъ набился. Сидѣть уже негдѣ было, и многіе богатые люди считали за счастье, если имъ удавалось достать хоть такое мѣстечко, гдѣ бы простоять все время представленія.

Только одна ложа—съ правой стороны во второмъ ряду—была еще пуста. Всѣ взоры безпрестанно туда устремлялись и съ жадностью впивались въ дверь ложи.

— Пріѣдетъ - ли *онъ*? шепнула нарядно одѣтая дама своему сосѣду.

— Я увѣренъ, что *онъ* будетъ, возразилъ сосѣдъ.—До начала еще осталось пять минутъ, а у него мало свободнаго времени.

— Непремѣнно будетъ, подтвердилъ другой господинъ;—вѣдь объявлено на афишѣ.

— Однако *его* могутъ задержать непредвидѣнныя дѣла, опять заговорила дама. Если бы я знала, что *онъ* не будетъ....

— Онъ обыкновенно всегда держитъ слово, успокоивалъ ее сосѣдъ.—Посмотрите, какъ плотно набита галлерея: и рабочему люду хочется поглядѣть на своего старика.

— И сколько тамъ черныхъ головъ!

— Да, пестренько тамъ на верху!

— Бѣдные! имъ есть за что благодарить...

„Да здраствуетъ *Old Abe!* ура! у-ра-а!" Этотъ

радостный возгласъ, дружно подхваченный оглушительнымъ тушемъ духовой музыки, прервалъ слова дамы—казалось стѣны залы готовы были обрушиться.

Наконецъ-то растворилась дверь, предметъ общаго ожиданія. Въ ложу вошли двѣ дамы и двое мужчинъ. Старшій изъ послѣднихъ привѣтливо поклонился на всѣ стороны и сѣлъ въ особо поставленное для него кресло. Остальные размѣстились вокругъ него.

Вошедшій, тотъ, кого толпа привѣтствовала съ такимъ восторгомъ, былъ Абрагамъ Линкольнъ, президентъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, побѣдитель южанъ, освободитель невольниковъ, любимецъ народа, который называлъ его *Old Abe—старикъ Эбъ. Abe* — сокращеніе имени Абрагамъ.

Сегодня, въ день побѣднаго торжества, народъ съ удвоенною любовью и благоговѣніемъ взиралъ на своего героя. Негры, на присутствіе которыхъ обратила вниманіе нарядная дама, не унимались. Такъ какъ передъ ними сидѣло много бѣлыхъ, то они не могли видѣть президента. Но они живо нашлись, какъ помочь бѣдѣ: они стали подниматься на плечи одинъ другаго и чередовались, такъ чтобы всѣмъ насмотрѣться. При этомъ они не щадили своихъ здоровыхъ глотокъ, а бѣлые зубы такъ и сверкали между широко раздвинутыми радостной усмѣшкой, толстыми, красными губами.

Дѣйствительно, черной братіи, какъ только-что замѣтила дама, было за что благодарить президента. Какъ нѣкогда Богъ сказалъ Моисею:— „Я узрѣлъ бѣдствія моего народа въ Египтѣ и послалъ тебя къ Фараону, дабы ты вывелъ его изъ плѣна“—такъ внутренній голосъ какъ бы вѣщалъ Абрагаму Линкольну: „Я узрѣлъ страданія моего народа и избралъ тебя—дабы ты освободилъ его изъ рабства.“ И Линкольнъ внялъ голосу сердца и неуклонно преслѣдовалъ святую цѣль. Гдѣ только могъ онъ, гдѣ только представлялся къ тому случай, онъ дѣйствовалъ противъ невольничества. За то рабовладѣльцы жестоко ненавидѣли его и иначе не называли его какъ „президентомъ негровъ.“

Они клялись, что скорѣе разорвутъ связь съ Союзомъ, чѣмъ дадутъ свободу хоть одному своему невольнику; въ уничтоженіи невольничества они видѣли свое разореніе, угрозу самому своему существованію—и рѣшились сопротивляться до послѣдней крайности. Вообще, доказывали они, ни президентъ, ни законодательное собраніе не имѣютъ права мѣшаться въ это дѣло, потому что это — чисто-домашній вопросъ, не подлежащій даже разсмотрѣнію центральной союзной власти. Это они говорили, когда Линкольнъ не былъ еще президентомъ, а состоялъ только членомъ конгреса.

Но Линкольнъ зналъ, что вся суть въ томъ, что „хлопчато-бумажные бароны“ южныхъ штатовъ слишкомъ скупы, чтобы добровольно платить сво-

имъ чернымъ рабочимъ за ихъ труды и слишкомъ горды, чтобы признать ихъ не то что друзьями и братьями, а просто людьми. Поэтому онъ твердо стоялъ на своемъ и однажды объявилъ: „Я предпочту быть убитымъ здѣсь на этомъ мѣстѣ, скорѣе, чѣмъ допущу, чтобы и далѣе еще съ людьми обращались какъ со скотомъ.“ И это была не пустая фраза: еще незадолго передъ тѣмъ другой защитникъ невольниковъ былъ избитъ до полусмерти депутатами рабовладѣльческихъ штатовъ! Когда Линкольнъ былъ избранъ въ президенты, южане изъ-за вопроса объ уничтоженіи невольничества возстали противъ Союза и задумали отъ него отложиться, вслѣдствіе чего произошла война.

Четыре года длилась она и стоила, какъ югу, такъ и сѣверу, неимовѣрныхъ жертвъ. Наконецъ правое дѣло одержало побѣду и не одни освобожденные негры—всѣ народы обязаны Линкольну благодарностью за то, что онъ смылъ съ человѣчества пятно позорившее его.

Взгляните на его портретъ. Надо правду сказать—красивымъ его нельзя назвать: лицо съ перваго взгляда суровое, морщинистое и—чего на гравюрѣ не видать,—болѣе чѣмъ смуглое, загорѣлое почти до темно-бураго цвѣта. Одинъ французъ, видѣвшій его въ первый разъ, въ шутку сказалъ: „Противъ такого молодца всякое возстаніе дозволено!“ Голова продолговатая, обезображенная парою огромныхъ, оттопыренныхъ ушей. Короткіе черные волосы

торчатъ жесткими вихрами, не покоряясь ни гребню, ни щеткѣ. Въ отношеніи ко всему тѣлу голова, вдобавокъ, казалась мала, такъ какъ Линкольнъ былъ чуть что не головою выше большинства людей. Руки у него были такъ длинны, что доходили до колѣнъ, а кисти рукъ такія громадныя, что скорѣе походили на какія-то машины. Къ перчаткамъ онъ рѣшительно не могъ пріучить себя.

Слѣдовательно, Линкольнъ—былъ положительно некрасивъ, и однако же онъ обладалъ необыкновенною привлекательностью.

Всмотритесь въ его глаза: большіе, темные, обыкновенно такіе грустные, точно въ душѣ у него глубокое, неисцѣлимое горе. Но когда онъ говорилъ — особенно когда говорилъ народу о страданіяхъ бѣдныхъ невольниковъ,—эти глаза сіяли неописаннымъ блескомъ, все лицо его свѣтилось, и простая рѣчь его звучала такою правдою, лилась такъ убѣдительно, что покоряла всѣ сердца. А ротъ! какою добротою, какою задушевностью дышетъ онъ! Если подольше смотрѣть на него, такъ и кажется, что онъ сейчасъ раскроется и подаритъ теплымъ ласковымъ словомъ.

Вотъ этотъ-то чудный человѣкъ въ Страстную пятницу 1865 г., уступая общему желанію, показался боготворившему его народу.

Но вотъ за кулисами раздался второй звонокъ, музыка умолкаетъ, поднимается занавѣсъ. Идетъ веселая комедія: „Нашъ американскій кузенъ.“

Вскорѣ всѣ взоры обращаются къ сценѣ и съ участьемъ слѣдятъ за ходомъ пьесы.

Впрочемъ нѣтъ—не всѣ.

Тамъ на верху, направо отъ президента, въ темномъ корридорѣ, стоитъ молодой человѣкъ, блѣдный, съ мрачно сдвинутыми бровями. Губы крѣпко сжаты и почти закрыты густыми, черными усами. Страшная рѣшимость выражается въ его глазахъ, во всѣхъ его чертахъ. Онъ повидимому принадлежитъ къ высшему сословію: на немъ надѣты безукоризненный черный фракъ, такіе же черные панталоны, изящные сапоги со шпорами. Только волоса безпорядочно разметались и какъ-то не идутъ къ остальной фигурѣ.

Кто же этотъ человѣкъ?

Это—актеръ, по имени Уилькса Бусъ. Онъ коротко знакомъ съ этимъ театромъ, со всѣми его входами и выходами, потому что самъ игралъ на этой сценѣ до начала войны. Ему давно извѣстенъ и темный корридоръ, въ которомъ онъ уже долго стоитъ. Въ самомъ началѣ военныхъ дѣйствій онъ бросилъ театръ и перешелъ въ непріятельскій лагерь. Чего же ему здѣсь нужно? И зачѣмъ онъ такъ прячется?

Въ рукѣ у него шестиствольный револьверъ, за поясомъ длинный ножъ. Вотъ онъ прикладываетъ глазъ къ дырѣ, просверленной имъ въ двери президентской ложи и внимательно смотритъ туда.

— Вотъ онъ сидитъ! шепчетъ онъ.—Ты умрешь,

хотя бы это мнѣ самому стоило жизни! Первая пуля не попадетъ — попадетъ вторая, но ты долженъ умереть!

„А я буду убійцею!“ слабо откликается другой, внутренній голосъ. Но онъ на него не обращаетъ вниманія: неужели онъ даромъ сюда пріѣхалъ, даромъ скрывался столько часовъ въ темномъ коридорѣ! Нѣтъ, онъ не нарушитъ слова, даннаго своимъ друзьямъ, южанамъ, а онъ имъ поклялся. Линкольнъ умретъ отъ моей руки: я отомщу за разбитый имъ Югъ!

Еще разъ рука его хватается за ножъ и пробуетъ—свободно ли онъ вынимается изъноженъ, затѣмъ онъ осторожно, тихо, пріотворяетъ дверь, наклоняется и подкрадывается. Но въ ту же минуту онъ быстро отскакиваетъ назадъ: — Линкольнъ двинулъ стуломъ. Въ это самое время громкіе аплодисменты и крики „браво!“ награждаютъ кого-то изъ актеровъ за ловкій намекъ на пораженіе Юга. Шумъ прикрылъ отступленіе убійцы.

— Проклятый трусъ! мысленно ругаетъ онъ себя:—теперь какъ разъ было бы кстати испортить ему радость о нашемъ пораженіи.

Опять прикладываетъ онъ глазъ къ дырѣ. А время бѣжитъ: сейчасъ одиннадцать часовъ, скоро представленіе должно кончиться.

— Теперь или никогда! рѣшается Бусъ: — онъ долженъ умереть!

Онъ вторично крадется къ ложѣ; на этотъ разъ ничто ему не мѣшаетъ. Онъ стоитъ за самымъ кресломъ президента, скрываемый высокой спинкой. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ ножъ, правою поднимаетъ револьверъ. Никто его не замѣчаетъ. Онъ цѣлится такъ спокойно, какъ въ мишень.

Вдругъ раздается выстрѣлъ. Мгновенно водворяется ужасающее смятеніе. Актеры умолкаютъ на полусловѣ и перестаютъ играть. „Что за чортъ? кто стрѣляетъ?“ кричатъ мужчины. „Боже! несчастье!“ вопятъ дамы.

Все поднимается, вскакиваетъ въ испугѣ или бѣшенствѣ. И вдругъ.... мертвая тишина!....

Молодой человѣкъ, съ большимъ сверкающимъ ножемъ въ рукѣ, съ изумительною силою и ловкостью спрыгиваетъ съ края ложи президента на самую сцену.

У него на каблукахъ длинныя шпоры; онъ ими зацѣпляется о большое національное знамя, украшающее ложу президента, запутывается въ него ногами и падаетъ. Но онъ быстро опять вскакиваетъ, вырвавъ большой клокъ; размахиваетъ ножемъ и исчезаетъ за кулисами.

Тотчасъ затѣмъ всѣ слышатъ топотъ удаляющейся галопомъ лошади.

Отчего же никто не задержалъ убійцу? Отчего дали ему время сѣсть на лошадь и ускакать? Очень ужъ это неожиданно и быстро произошло. Между

выстрѣломъ и первыми звуками галопа лошади не прошло и двухъ минутъ по часамъ—а этого слишкомъ было мало, чтобы такая большая толпа, испугавшись, оторопѣвъ, могла прійти въ себя и собраться мыслями на столько, чтобы дѣйствовать сознательно и съ присутствіемъ духа. Одинъ только человѣкъ, маіоръ, бывшій въ ложѣ съ Линкольномъ, на столько владѣлъ собою, что тотчасъ послѣ выстрѣла схватилъ убійцу за фалду фрака. Но Бусъ бросилъ револьверъ на полъ и старался вонзить ножъ въ грудь противника, однако попалъ мимо въ быстро подставленную руку. Маіоръ получилъ тяжкую рану и выпустилъ фалду. Этимъ однимъ мгновеніемъ убійца воспользовался, чтобы спрыгнуть и уйти, какъ выше разсказано.

Между тѣмъ все съ плачемъ и выраженіями скорби толпилось вокругъ президента. Пуля прошла черезъ голову наискось: вошла подъ лѣвымъ ухомъ и вылетѣла надъ правымъ. Онъ упалъ не испустивъ даже крика и, хотя жизнь — т. е. дыханіе—не угасала окончательно еще цѣлыхъ девять часовъ, но сознаніе не вспыхивало уже ни на одну секунду.

— Лучше бы онъ не пріѣзжалъ! рыдала дама, ожидавшая президента съ такимъ нетерпѣніемъ.

— Никому не уйти отъ своей судьбы! утѣшалъ ее сосѣдъ.

— А вѣдь ему не хотѣлось въ театръ, вмѣшался въ разговоръ другой, пожилой господинъ.—Передъ

тѣмъ какъ онъ поѣхалъ, его еще просили остерегаться. Онъ же въ отвѣтъ досталъ пачку писемъ изъ своей конторки и сказалъ: „Господа, вотъ вамъ цѣлая связка писемъ, изъ которыхъ каждое грозитъ мнѣ убійствомъ. У мена поневолѣ нервы расходились бы, если бы я сталъ долго думать объ этомъ. Поэтому я разъ навсегда отогналъ всѣ подобныя мысли слѣдующимъ разсужденіемъ: если въ самомъ дѣлѣ есть измѣнники, которые носятся съ замыслами противъ моей жизни, то случаевъ убить меня каждый день такъ много, что, при всемъ желаніи, мнѣ не избѣгнуть моей участи. Зачѣмъ же я буду безъ всякой пользы себя мучить? Жизнь моя въ рукѣ Божьей.“

— Пусть такъ, опять заговорилъ первый господинъ,—но для злодѣя мало пули!

— Только бы поймать его! откликнулось нѣсколько голосовъ.

— Недалеко отъѣдетъ!

Многое еще говорилось, немало слышалось вздоховъ, немало было пролито слезъ, пока приближенные убитаго переносили его въ сосѣдній домъ, гдѣ онъ скончался въ восьмомъ часу утра.

Черные поклонники президента, между тѣмъ, не долго оставались праздными зрителями катастрофы. Какъ только убійца убѣжалъ за кулисы, многіе изъ нихъ перескочили черезъ сидящихъ въ переднихъ рядахъ, и бросились за злодѣемъ, съ дикимъ воплемъ и проклятіями. Они, конечно, не мо-

гли догнать его, а все-таки бѣжали. Ихъ нагнали скачущіе всадники.

— Куда вы?

— Туда, за тѣмъ, что застрѣлилъ президента!

— Куда, въ какую сторону онъ поѣхалъ?

— Вотъ въ эту улицу, налѣво!

— На какой онъ лошади?

— Лошадь черная, вороная.

— Хорошо: теперь ступайте домой.

— Мы хотимъ бѣжать за нимъ, ловить его.

— Все равно не поймаете; вернитесь лучше домой. Мы ужь догонимъ его, и онъ не уйдетъ отъ наказанія, будьте увѣрены.

Черные съ воемъ и плачемъ повернули назадъ.

Быстро по всей землѣ распространилась страшная вѣсть. Сколько людей, никогда въ лицо не видавшіе призидента, плакали о немъ! Его дѣла пріобрѣли ему общую любовь. Тысячи народа стекались со всѣхъ концовъ обширнаго Союза, чтобы только проститься съ незабвеннымъ. Бѣлые и черные, мужчины и женщины толпами валили въ Капитолій, гдѣ тѣло убитаго было выставлено на парадномъ одрѣ.

19 апрѣля въ Уашингтонѣ происходило торжественное погребеніе мученика свободы. Пушечный громъ и колокольный звонъ во всемъ союзѣ раздавались въ это утро,—это былъ голосъ осиротѣвшей страны. Торговыя и государственныя дѣла были прерваны, и черные флаги свидѣтельствовали

о печали, поселившейся во всѣхъ сердцахъ. Провожаемый тысячами, оплакиваемый милліонами, президентъ Линкольнъ легъ на вѣчный покой на отѣненномъ дубами кладбищѣ въ Стрингфильдѣ, мѣстечкѣ, которое онъ при жизни чрезвычайно любилъ за уединенное и живописное мѣстоположеніе.

А убійца?

Онъ дѣйствительно не далеко отъѣхалъ. Соскакивая изъ ложи на сцену, Бусъ вывихнулъ себѣ ногу. Несмотря на это, онъ всю ночь гналъ лошадь не слѣзая. Наконецъ онъ не могъ долѣе выносить боли. Онъ завернулъ въ отдаленную сельскую гостинницу, находившуюся въ удобномъ для него глухомъ мѣстѣ. Тутъ онъ думалъ подкрѣпить свои силы для дальнѣйшаго бѣгства, но тутъ же его настигла погоня. Онъ не сдался живымъ, онъ застрѣлился передъ глазами людей, окружавшихъ амбаръ, въ которомъ онъ было скрылся отъ нихъ.

II.

Эбъ въ родительскомъ домѣ.

«Богаче всѣхъ тотъ человѣкъ, который имѣетъ всѣхъ меньше потребностей», говоритъ одинъ мудрецъ.

Въ этомъ смыслѣ родители Абрагама Линкольна были богаты, хотя они владѣли лишь тѣснымъ

бревенчатымъ домикомъ и небольшою землею въ первобытныхъ лѣсахъ дальняго Запада—тамъ роскошь и даже комфортъ тогда еще не были извѣстны.

Отецъ Абрагама, Томасъ Линкольнъ, поселился въ штатѣ Кентукки въ 1806 г. Домъ свой онъ самъ себѣ выстроилъ. Лѣсъ у него былъ подъ бокомъ, а онъ былъ рослый, дюжій силачъ. Подъ могучими ударами его топора свалилось вдоволь деревьевъ. Онъ обрубилъ всѣ сучья и вѣтви, обтесалъ топоромъ же стволы, напилилъ изъ нихъ бревна равной длины и сложилъ изъ нихъ четырехъ-угольный срубъ, въ которомъ прорубилъ необходимыя отверстія для дверей и оконъ, а на вышинѣ футовъ десяти отъ земли сталъ уже выводить крышу, потомъ покрылъ ее соломою. Въ видѣ роскоши онъ еще внутри настлалъ деревянный полъ.

Внутреннее убранство отличалось не меньшею незатѣйливостью. По стѣнамъ Томасъ развѣсилъ въ величайшемъ порядкѣ всевозможные рабочіе инструменты—топоры, ножи, буравы и пр. Превосходная двуствольная винтовка стояла подлѣ двери; она тщательно чистилась и была всегда заряжена.

Какъ самый домъ, такъ и всѣ въ немъ принадлежности и мебель Томасъ сдѣлалъ своими руками, а именно: кровать, столъ, скамьи, полки и посуду. Послѣдней ему не требовался большой комплектъ,

такъ какъ пища поселенцевъ въ этомъ тогда еще первобытномъ краѣ состояла изъ дичи, жареной на вертелѣ, маисоваго хлѣба и молока, да еще отваренной въ водѣ съ солью молодой кукурузы, въ видѣ овощей къ мясу.

По прошествіи года представилась надобность обогатить составъ мебели люлькою: въ ней поселилась маленькая дочка. Два года спустя отецъ срубилъ для нея уже кроватку, а люльку она, въ 1809 г. должна была уступить будущему президенту Соединенныхъ Штатовъ, Абрагаму Линкольну.

Не думала—не гадала добрая мать, укачивая младенца, объ ожидающей его судьбѣ! Она его съ любовью выростила, никогда не помышляла для него объ иной, менѣе скромной долѣ; это была женщина простая, смиренная, со свѣтлымъ, практическимъ умомъ и мягкимъ нѣжнымъ сердцемъ. Почти восемь лѣтъ маленькій Эбъ, какъ его звали домашніе, не выходилъ изъ роднаго угла и въ это время уже замѣтно сталъ развиваться сердцемъ и характеромъ въ мать.

Въ то время въ Америкѣ еще не было общественныхъ школъ. Но родителямъ хотѣлось, чтобы ихъ сынъ, въ которомъ они не могли не замѣтить чрезвычайно живой, любознательный умъ, научился чему нибудь кромѣ умѣнья владѣть топоромъ. Отецъ на бѣду не умѣлъ ни читать, ни писать;

мать читать умѣла, но до писанія никогда не доходила.

На разстояніи какой нибудь четверти часа отъ Линкольновъ жилъ нѣкто мастеръ Захарія Райнэй, человѣкъ получившій нѣкоторое образованіе и очень любившій дѣтей и который держалъ маленькую школу. Хотя онъ былъ католическаго вѣроисповѣданія, родители Эба не задумались отдать къ нему сына учиться грамотѣ.

Дорога въ школу пролегала черезъ плантацію богатаго рабовладѣльца. Въ первый разъ мать сама отвела мальчика, на второй день его проводила сестра, а потомъ уже стали отпускать его одного. Ходилъ онъ учиться не по утрамъ, а послѣ полудня, ближе къ вечеру, потому что до этихъ часовъ мастеръ Захарія не могъ бросать работы для своей школы.

Однажды Эбъ по обыкновенію проходилъ черезъ плантацію, какъ вдругъ большая собака загородила ему дорогу, вѣроятно соблазняясь краюхой хлѣба, которую онъ держалъ въ рукѣ. Мальчикъ старался пройти,—собака ворчала и не пускала его. Онъ заплакалъ и сталъ неподвижно, не смѣя пошевельнуться, пока онъ не увидѣлъ одного изъ невольниковъ. Онъ закричалъ негру: — „Помогите! собака хочетъ укусить меня!“ Негръ прибѣжалъ и замахнулся палкою на собаку, которая сначала огрызалась и даже хотѣла броситься на против-

ника, но получивъ порядочный ударъ, съ визгомъ убѣжала.

Все это видѣлъ хозяйскій сынъ, который давно уже, скрываясь въ бесѣдкѣ, забавлялся затруднительнымъ положеніемъ незнакомаго мальчика. Онъ видѣлъ какъ его любимую собаку ударилъ — кто же? негръ невольникъ, и за то, что она позабавила своего господина! Его взорвало. Онъ бросился къ негру съ хлыстомъ въ рукѣ и началъ немилосердно хлестать его по головѣ, по спинѣ, по чемъ попало. Маленькій Эбъ смертельно испугался и убѣжалъ такъ быстро, точно за нимъ гнались разбойники.

Отецъ спросилъ его: отчего онъ такъ взволнованъ и запыхался? Онъ только сказалъ, что очень испугался. Но вечеромъ, когда мать укладывала его спать, онъ все разсказалъ ей. Она успокоивала его тѣмъ, что собака не хотѣла его обидѣть, а только хотѣла, чтобы онъ подѣлился съ нею хлѣбомъ. Но она очень бранила злаго молодаго плантатора и наказывала сыну, чтобы онъ не забылъ поблагодарить негра въ первый же разъ, какъ онъ его увидитъ.

Слѣдующій день было воскресенье, и Эбъ не ходилъ въ школу. Въ понедѣльникъ онъ благополучно прошелъ туда и обратно, не встрѣтивъ ни врага, ни друга. Во вторникъ онъ увидѣлъ своего чернаго защитника, подошелъ къ нему, поблагодарилъ его и отдалъ ему свой ломоть хлѣба, намазанный масломъ. Тотъ взялъ его, ласково осклабляясь, и

тутъ же принялся ѣсть его съ большимъ аппетитомъ. Съ этой минуты старый негръ и маленькій Эбъ сдѣлались закадычными пріятелями.

Они стали часто встрѣчаться, и мальчика чрезвычайно забавляло, когда негръ съ простодушнымъ удивленіемъ разсматривалъ большія буквы въ его азбукѣ и старался произносить по нимъ звуки.

Однажды Эбъ прибѣжалъ къ своему черному другу, необыкновенно гордый и счастливый: онъ въ первый разъ прочелъ безъ запинки, подъ рядъ и въ разбивку, всѣ буквы азбуки и хотѣлъ изумить его своею ученостью. Вдругъ, откуда ни возьмись, явился молодой хозяинъ со своею собакою и накинулся на мальчика:

— Негодный мальчишка! чего ты тутъ раздобариваешь съ этимъ чернымъ плутомъ и отрываешь его отъ дѣла? Убирайся сейчасъ, не то натравлю собаку.

Эбъ проворно вскочилъ. Чтобы его еще больше испугать, юноша началъ щелкать языкомъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ подзадоривая собаку.

Едва переводя духъ, Эбъ прибѣжалъ домой и разсказалъ отцу, что съ нимъ сейчасъ было. О первомъ приключеніи съ собакой Томасъ узналъ отъ своей жены. Онъ пошелъ къ сосѣду жаловаться на безчинства молодаго плантатора, но получилъ въ отвѣтъ однѣ дерзости и насмѣшки, такъ что они разстались врагами.

Послѣ этого Эбъ не могъ болѣе ходить въ школу къ Захаріи, потому что сосѣдъ запретилъ пускать его черезъ свою плантацію, а другой дороги не было. Тогда мать отдала его къ другому, хотя болѣе отдаленному сосѣду, по имени Калебъ Хезель, который тоже держалъ небольшую частную школу. Къ сожалѣнію, онъ могъ преподавать своимъ ученикамъ только чтеніе и письмо—послѣднее съ грѣхомъ пополамъ.

Имѣть сварливаго, злаго сосѣда всегда непріятно; но это положительно невыносимо въ дикомъ мѣстѣ, гдѣ мало поселенцевъ и гдѣ возможно жить сносно, только если дружно помогать другъ другу и не скупиться на разныя маленькія взаимныя услуги. Поэтому Томасъ Линкольнъ, очутившись, безъ всякой со своей стороны вины, во враждебныхъ отношеніяхъ со своимъ ближайшимъ сосѣдомъ, надменнымъ плантаторомъ, сталъ думать о томъ, чтобы продать свою землю и перебраться куда нибудь въ другое мѣсто; но онъ долго не встрѣчалъ покупателя. Наконецъ нашелся охотникъ, который предложилъ ему десять бочекъ водки и двадцать долларовъ деньгами, и онъ согласился.

Осенью 1816 г. маленькій караванъ двинулся къ сѣверу, въ южную часть штата Индіаны.

Мать и дочь сидѣли на тяжело навьюченной телегѣ. Отецъ шелъ пѣшкомъ съ ружьемъ черезъ плечо, а маленькому Эбу была предоставлена не маловажная должность вести и подстрекать лоша-

дей тамъ, гдѣ дорога была не слишкомъ неровна и опасна.

Послѣ утомительнаго переѣзда, семья переселенцевъ наконецъ прибыла на берегъ большой, прекрасной рѣки Огайо; но усталые путники не обратили большаго вниманія на ея красоту, а только порадовались, что они много приблизились къ цѣли своего путешествія. Они благополучно переправились черезъ рѣку на паромѣ и по ту сторону продолжали свое странствованіе.

Наконецъ они пріѣхали къ свѣтлому, рѣзвому ручью. Эбъ зачерпнулъ воды въ деревянную чашку для своей измученной сестры. Вода оказалась хороша, и вся мѣстность вообще понравилась отцу. Рѣшено было тутъ и остаться, въ этомъ живописномъ, лѣсистомъ, пустынномъ краю.

Прежде всего надо было опять строить домъ. На этотъ разъ у Томаса Линкольна былъ помощникъ; онъ далъ топоръ въ руки своему маленькому сыну и научилъ его чистенько обрубать вѣтви отъ сваленныхъ деревьевъ. Сестра убирала ихъ подальше, а мать занималась другими хозяйственными работами.

Уже черезъ три дня семейство могло ночевать не подъ открытымъ небомъ. Для Эба наверху была устроена особая каморка, въ которую онъ забирался на ночь по приставленной лѣстницѣ. О кровати или постели не было помину: онъ ложился на подостланное одѣяло и закрывался другимъ и

спалъ при этомъ такъ крѣпко и сладко какъ на самомъ мягкомъ пуховикѣ. Это происходило отъ того, что онъ весь день работалъ на воздухѣ и не зналъ еще ни заботы, ни болѣзни.

III.

Воскресенье въ первобытномъ лѣсу.

Въ первобытныхъ лѣсахъ дальняго запада Сѣверной Америки нѣтъ церквей, нѣтъ благовѣста, возвѣщающаго о воскресныхъ и праздничныхъ дняхъ. Тамъ, гдѣ земля едва еще начинаетъ заселяться, гдѣ поэтому не введены еще порядки и учрежденія вездѣ, знаменующія многолюдныя, осѣдлыя селенія цивилизованныхъ людей, нѣтъ какъ присутственныхъ мѣстъ, такъ и школъ, и приходовъ, слѣдовательно не живутъ и приходскіе священники. Только изрѣдка какой нибудь пасторъ объѣзжаетъ разбросанныя на большомъ пространствѣ фермы поселенцевъ, даетъ св. причастіе, креститъ дѣтей, родившихся послѣ его послѣдняго посѣщенія, вѣнчаетъ помолвленныя четы, благословляетъ могилы умершихъ.

Тѣмъ не менѣе святость воскреснаго дня строго соблюдается семействами почтенныхъ тружениковъ; не гремитъ топоръ, не визжатъ колеса, люди отдыхаютъ въ мирной бесѣдѣ и не нарушаютъ сво-

ею будничною суетою торжественную тишину дремучаго лѣса.

Абрагамъ Линкольнъ всю жизнь съ умиленьемъ вспоминалъ о своеобразной прелести этихъ воскресныхъ дней въ родной лачугѣ, среди лѣсной пустыни. Одно такое воскресенье особенно глубоко врѣзалось въ его памяти.

Послѣ того какъ онъ выучился читать по складамъ въ школѣ Калеба Хезеля, ему можно было уже самому, съ помощью матери, совершенствоваться въ чтеніи. Его мечтою было—читать въ *Большой книгѣ* (библіи), которую такъ любила его мать, мпоэтоу онъ очень старался дѣлать успѣхи. За полгода до смерти матери, мечта мальчика осуществилась: однажды она дала ему библію, и отыскала ему разсказъ о Моисеѣ и огненной купиѣ, приходившійся, по–очереди, на слѣдующее воскресенье. Это было въ понедѣльникъ. Каждый день онъ прилежно училъ урокъ, въ чемъ ему терпѣливо пособляла мать, но всегда безъ отца, такъ какъ ему готовилась на воскресенье пріятная неожиданность. Въ субботу вечеромъ онъ ликовалъ, и радостно повторялъ: „завтра воскресенье!“ взбираясь на верхъ въ свою спальную каморку.

На другое утро солнце уже ярко свѣтило въ окно, когда семья собралась къ завтраку. По окончаніи простой трапезы, отецъ по обыкновенію досталъ съ полки большую библію и положилъ ее на столъ передъ женою. Какъ же онъ удивился

когда она передала книгу сыну, и тотъ съ гордымъ достоинствомъ, съ сіяющими отъ радости глазами, началъ читать, и не сбиваясь, не запинаясь, внятно и толкомъ прочелъ всю главу до конца! Сестра принимала искреннее участье въ его торжествѣ, но для нея, увы, всѣ эти крупныя буквы и строки были непроходимыми загадками.

По окончаніи чтенія мать стала въ простыхъ словахъ толковать прочитанное. Между прочимъ она указывала на то, что Богъ не любитъ надменнаго духа, а выбралъ своими орудіями тѣхъ, кто обладалъ кроткимъ, смиреннымъ сердцемъ при свѣтломъ разумѣ. Потомъ она говорила о томъ, какъ народъ Израилевъ въ рабствѣ забылъ истиннаго Бога.

— Да, сказалъ на это отецъ, — Богъ не хочетъ чтобы одинъ человѣкъ былъ рабомъ другаго. Всѣ люди должны быть между собою равны, какъ братья. Если отнять у человѣка свободу, онъ весьма скоро грубѣетъ, тупѣетъ, и становится болѣе похожъ на скота, нежели на мыслящее и чувствующее существо.

— Какимъ же образомъ, отецъ, замѣтилъ Эбъ,— такъ много невольниковъ тамъ, гдѣ мы прежде жили? Развѣ мистеръ Дэвисъ не знаетъ, что Богъ не хочетъ, чтобы были невольники?

— Къ несчастью, онъ это отлично знаетъ, отвѣтилъ отецъ;—но онъ слишкомъ безбоженъ, чтобы думать о волѣ Божьей. Скупостъ, жадность одолѣли.

Но придетъ время, когда Богъ пошлетъ новаго Моисея и бѣдному, безвинно угнетенному черному племени.

Глаза у мальчика загорѣлись.

— Отецъ, сказалъ онъ, — я буду сильно работать и, когда сдѣлаюсь богатъ, скуплю у злыхъ хозяевъ всѣхъ ихъ рабовъ и дамъ имъ свободу. И знаешь кого я перваго куплю?

— Ну, кого же?

— Добраго Тома, что защитилъ меня отъ большой собаки.

Отецъ и мать съ улыбкою переглянулись; ихъ радовала восторженность сына.

— Ну, Богу придется поискать другаго, шутливо молвила мать;—такую кучу денегъ тебѣ никогда не заработать.

Отецъ молча всталъ, положилъ библію на мѣсто, потомъ досталъ изъ сумки, съ которою онъ въ послѣднiй разъ ходилъ въ городъ, небольшой пакетъ, связанный веревочкой.

— Я тебѣ припасъ подарокъ, сказалъ онъ сыну;— я собирался отдать его тебѣ, когда ты совсѣмъ выучишься читать. Сегодня ты читалъ такъ хорошо, что нѣтъ причины долѣе ждать.

Онъ развязалъ веревочку, снялъ сѣрую бумажную обертку — показалась небольшая книга. Это былъ знаменитый религiозно-аллегорическiй разсказъ „*Странствiе Христiанина*“.

Какъ обрадовался мальчикъ—объ этомъ мы едва

ли можемъ составить себѣ понятіе, такъ какъ насъ почти съ рожденія снабжаютъ книгами, вслѣдствіе чего онѣ намъ не въ диковину. Это была первая книга, если не считать теперь уже сильно истрепанную азбуку, которую онъ могъ назвать своею. А ему хотѣлось имѣть очень много книгъ, чтобы сдѣлаться очень ученымъ и умнымъ.

Съ горячей благодарностью принялъ онъ изъ рукъ отца дорогой подарокъ и въ ту же минуту съ нимъ исчезъ: ему хотѣлось остаться одному со своимъ сокровищемъ.

Застаемъ мы его опять въ лѣсу. Растянувшись подъ громадною сосною, онъ старается разобрать фразу за фразою и вникнуть въ смыслъ. Кругомъ его съ дерева на дерево порхаютъ птички, распѣвая свои веселыя пѣсни; но онъ ихъ не замѣчаетъ. Вѣтеръ поднимается—вершины шумятъ и гнутся; онъ и того не слышитъ. Онъ усталъ. Онъ кладетъ книгу и думаетъ о прочитанномъ. Но скоро онъ теряетъ нить своихъ мыслей—онѣ возращаются; къ утреннему чтенію изъ библіи, потомъ ему припоминается старый Томъ, защитившій его отъ собаки. И эта картина путается у него въ головѣ. Мысли его переходятъ въ сонъ—онъ засыпаетъ. Во снѣ онъ видитъ огненный кустъ и Моисея подходящаго къ нему: онъ въ испугѣ просыпается.

Въ самомъ дѣлѣ, лѣсъ стоитъ точно объятый пламенемъ: это молнія сверкаетъ почти непрерывно.

Грозные раскаты грома теряются глухимъ рокотомъ въ глубинѣ лѣса.

Падаютъ тяжелыя, рѣдкія капли. Эбъ спѣшитъ домой со своею книгою, чтобы его не засталъ проливной, грозовой дождь.

Этотъ воскресный день оставилъ глубокое впечатлѣніе на воспріимчивой, молодой душѣ Линкольна,— впечатлѣніе, которое не изгладилось и въ послѣдующіе годы его молодости и зрѣлости.

IV.

Первое письмо.

Мать нашего маленькаго героя всею душею утѣшалась успѣхами и хорошими качествами своего даровитаго сына. Она какъ-то высказала это женѣ поселившагося по сосѣдству фермера, съ которою она коротко подружилась.

— Погодите-ка, спохватилась та, — у меня гдѣ-то лежитъ книга, которая порадуетъ вашего мальчика еще больше той, что отецъ подарилъ ему; тамъ все небольшіе разсказы о разныхъ звѣряхъ, и представлено такъ, какъ будто всѣ животныя дѣйствуютъ и разговариваютъ.

Она принесла басни Эзопа.

Эта книга дѣйствительно больше пришлась по живому уму мальчика, нежели мистическое, напы-

щенное повѣствованіе о „странствіи христіанина“, да онъ его и понималъ лучше. Онъ столько разъ перечитывалъ каждую басню, что почти все затвердилъ наизусть. Впослѣдствіи ему часто представлялись случаи приводить то или другое мѣсто изъ этого сборника, тѣшившаго его въ дѣтствѣ, и онъ это дѣлалъ всегда съ особеннымъ удовольствіемъ.

Добрая сосѣдка своимъ подаркомъ попала въ большую милость у Абрагама. Да и мать его съ тѣхъ поръ еще больше полюбила ее. Однажды она сказала женѣ Линкольна:

— Знаете что? мальчику слѣдовало бы учиться и писать. Ни вы, ни вашъ мужъ писать не умѣете и вѣрно не разъ уже замѣчали, какъ это иногда бываетъ неудобно.

— Это правда — какъ не замѣтить! но мы не имѣли случая научиться.

— Посмотрите-ка въ какомъ почетѣ мистеръ Хэнксъ, продолжала сосѣдка,—только потому, что онъ при случаѣ выручитъ того или другаго, напишетъ что нужно.

— Вы совершенно правы; но что же мы должны дѣлать?

— Да сходите къ тому же мистеру Хэнксу, попросите его; можетъ быть онъ и согласиться подучить вашего сына.

На слѣдующій же день Эбъ взялъ первый урокъ: въ семействѣ Линкольновъ не водилось откладывать хорошее дѣло въ долгій ящикъ.

Такъ какъ между поселенцами не было избытка въ чернилахъ, перьяхъ и бумагѣ, то Эбъ сначала выводилъ буквы на доскѣ мѣломъ или обугленной палочкой. Онъ такъ пристрастился къ новому занятію, что когда за работою онъ позволялъ себѣ минуту отдохнуть, расправить спину, онъ выводилъ ихъ и по землѣ прутикомъ. Въ весьма непродолжительномъ времени, онъ твердо усвоилъ себѣ формы всѣхъ буквъ. И какъ же онъ былъ счастливъ, когда онъ въ первый разъ вырисовалъ на землѣ полное свое имя *Abraham Lincoln!*

Но ему хотѣлось выучиться писать и поакуратнѣе, покрасивѣе. Для этого, отыскавъ гдѣ-то въ лѣсу большое перо, онъ его очинилъ какъ могъ лучше своимъ карманнымъ ножичкомъ, потомъ состряпалъ себѣ чернила изъ сажи и сталъ упражняться—на березовой корѣ! Учитель похвалилъ его за находчивость. Со временемъ Эбъ раздобылся однако и настоящею бумагою и хорошими перьями. Онъ сталъ писать все красивѣе и красивѣе, пока учитель самъ не признался, что ученикъ превзошелъ его. Родители гордились сыномъ, сосѣди не скупились похвалами ему, но онъ попрежнему остался скромнымъ и послушнымъ.

Къ этому времени семейство Линкольновъ поразилъ жестокій, неожиданный ударъ: дѣти лишились матери, мужъ жены. Она давно уже стала понемногу хворать, но ни она, ни другіе не обращали на это большаго вниманія, потому что

это и прежде съ нею случалось и она всегда сама собою скоро выздоравливала. Когда ей сдѣлалось хуже, нельзя было призвать на помощь доктора, потому что нигдѣ по близости не было врачей. Она пила какую-то траву, по чьему то совѣту, но она ей не помогала. Вдругъ она почувствовала приближеніе смерти и едва успѣла приготовить мужа и дѣтей къ скорой разлукѣ, какъ уже отлетѣла отъ нихъ на вѣки. Они почти обезумѣли отъ горя, да и немногіе сосѣди были такъ глубоко поражены и огорчены, что не находили словъ утѣшать осиротѣвшихъ.

Отецъ первый опомнился и собрался съ силами Надо было подумать о похоронахъ. Онъ принесъ перо, бумагу, чернила и велѣлъ сыну писать пастору и просить его пріѣхать какъ можно скорѣе для преданія землѣ тѣла покойной. Въ первый разъ въ жизни Эбу приходилось писать письмо, и никогда до смерти не могъ онъ забыть, съ какими чувствами онъ писалъ это свое первое письмо. Въ немногихъ простыхъ словахъ просилъ онъ почтеннаго священника пріѣхать хоронить его мать, которая всегда искренно уважала его.

Проходилъ день за днемъ—пасторъ не являлся; видно письмо его не застало.

А въ домѣ Линкольна стало ужасно тихо. Онъ по прежнему работалъ топоромъ, пилою и долотомъ, но не короталъ работы веселою пѣснею; только изрѣдка тяжелый вздохъ вырывался изъ

стѣсненной груди. Онъ сколачивалъ гробъ для жены, подруги многихъ лѣтъ, матери своихъ дѣтей. Когда онъ ее положилъ въ простой опрятный гробъ, дѣти покрыли ее свѣжими травами и душистыми цвѣтами.

Подъ большою сосною, любимымъ деревомъ Эба, подъ тѣнью котораго онъ проводилъ много досужихъ часовъ со своими дорогими книгами, выкопали могилу достаточно глубокую, чтобы охранить покоющуюся въ ней отъ жадности хищныхъ звѣрей. Немного людей шло за гробомъ, но въ сердцахъ ихъ было вѣроятно больше скорби и искренняго участія, нежели чувствуютъ многочисленные родственники и знакомые, приглашенные на богатые, пышные похороны знатнаго лица.

Такъ какъ священникъ не пріѣхалъ, то не было сказано надгробнаго слова. Да и къ чему? Вѣдь каждый изъ присутствующихъ зналъ, какою доброю, заботливою женою и матерью была покойная, какъ она любила своихъ, какъ дружелюбно относилась къ другимъ. Открытая могила въ первобытномъ лѣсу говорила краснорѣчивѣе многихъ славныхъ проповѣдниковъ. Помолились надъ этой могилой, засыпали ее землею и печально разошлись по домамъ.

И Абрагамъ побрелъ домой. Онъ не плакалъ, но вокругъ рта его легла грустная черта, ясно говорившая, какъ глубоко первое великое горе врѣ-

залось въ его молодую душу. Замѣчательно, что эта грустная черта осталась на всю жизнь.

Мѣсяца три спустя неожиданно пріѣхалъ почтенный пасторъ, на своей худенькой лошадкѣ. Онъ только недавно получилъ письмо, вернувшись изъ объѣзда. Онъ похвалилъ Эба за успѣхи, но мальчика не порадовала даже похвала такого уважаемаго человѣка: ему все еще было слишкомъ тяжело. Притомъ пріѣздъ пастора и послѣдующее за тѣмъ освященіе могилы опять растравили свѣжую, только еще начинавшую заживать рану.

V.

Примиритель.

Около года спустя послѣ смерти жены, Томасъ Линкольнъ женился на другой — на вдовѣ Сэлли Джонстонъ изъ Кентукки. Это была тоже хорошая женщина, притомъ съ нѣкоторымъ образованіемъ. Она добросовѣстно старалась замѣнить сиротамъ родную мать. Въ особенности хлопотала она о дальнѣйшемъ развитіи даровитаго Абрагама.

Къ ея немалой радости, нѣкто мистеръ Крофордъ открылъ порядочную частную школу въ значительно разросшейся колоніи и скоро заслужилъ общее уваженіе. Ему-то умная мачиха поручила своего любимца.

Эбу было почти тринадцать лѣтъ, но учился онъ, какъ мы видѣли выше, только читать и писать, считать же онъ умѣлъ только по врожденной сметкѣ, насколько требовалось въ домашнемъ обиходѣ. Теперь наконецъ ему представился случай учиться поосновательнѣе, и онъ сталъ учиться съ такимъ усердіемъ, съ такимъ успѣхомъ, что въ весьма скоромъ времени сдѣлался первымъ въ школѣ. Онъ отъ этого нисколько не зазнался, былъ со всѣми дружелюбенъ и всегда готовъ помочь дѣломъ или совѣтомъ своимъ менѣе даровитымъ товарищамъ. Такимъ образомъ онъ скоро сталъ между ними авторитетнымъ лицомъ и ему привыкли вѣрить во всемъ.

Одинъ только завидовалъ ему, несмотря на то, что Эбъ и съ нимъ былъ привѣтливъ; этого мальчика другіе школьники звали „кривобокимъ Давидомъ“; онъ былъ первымъ до тѣхъ поръ пока, „длинный Эбъ“ не сдвинулъ его своими успѣхами съ этого почетнаго мѣста, и вотъ этого-то онъ не могъ ему простить.

Абрагаму легко было бы довести врага своего до отчаянія насмѣшками, такъ какъ всѣ прочіе стали бы на его сторону, но онъ слишкомъ хорошо понималъ, что никто не имѣетъ права смѣяться надъ другимъ за тѣлесный недостатокъ. „Каково бы мнѣ было,“ говорилъ онъ себѣ, если бы меня называли „длинноухимъ“ или если бы за громадныя неуклюжія руки честили меня орангутангомъ?“

Кулаками кривобокій Давидъ не могъ расправляться ни съ кѣмъ изъ своихъ товарищей, и всѣхъ менѣе съ Абрагамомъ, къ которому онъ относился по своимъ размѣрамъ и силѣ почти такъ же какъ лягушка къ журавлю. За то никто не затѣвалъ такихъ злыхъ шалостей и съ такимъ искусствомъ и мстительнымъ изощреніемъ не исполнялъ ихъ.

Такъ онъ однажды вывѣдалъ, выслѣдилъ въ лѣсу, гдѣ одинъ изъ его товарищей, по имени Элеазаръ, къ которому онъ тоже не особенно благоволилъ, поставилъ капканы для куницъ. Онъ недавно получилъ отъ него за что-то хорошую потасовку и обрадовался случаю отплатитъ ему.

Рано утромъ юный звѣроловъ побѣжалъ осмотрѣть свои капканы; онъ вздрогнулъ отъ радости, замѣтивъ, что уже первый захлопнутъ. Онъ осторожно подошелъ, посмотрѣлъ—но какова же была его досада, когда онъ нашелъ вмѣсто великолѣпной куницы, которую уже рисовало ему воображеніе—мертвую крысу! Онъ ее съ отвращеніемъ откинулъ далеко.

Онъ подошелъ ко второму капкану—и тотъ захлопнутъ. Надежда ожила въ немъ: „Вторая находка вѣрно вознаградитъ меня,“ подумалъ онъ, и вынулъ—бѣличій хвостъ. У него и руки опустились. Отъ третьяго капкана онъ даже уже ничего не ждалъ. Онъ только ломалъ голову, кто бы могъ сыграть съ нимъ такую штуку? Или ужь не попалась ли въ самомъ дѣлѣ бѣлка и вырвалась, оста-

вивъ только хвостъ? Элеазаръ нѣсколько успокоился на этомъ, не совсѣмъ правдоподобномъ предположеніи—вѣдь никто охотно не признается даже самъ себѣ, что онъ остался въ дуракахъ.

Пришелъ онъ и къ третьему капкану, открылъ его довольно равнодушно, такъ какъ и онъ оказался захлопнутымъ, но невольно вытаращилъ глаза, увидѣвъ странную добычу: листокъ бумаги съ написанными на немъ словами: „*ты—оселъ*!“—„Ну кривобокій, хорошо же! я тебѣ задамъ такія ослиныя уши, что долго будешь помнить!“ посулилъ автору мысленно одураченный ловецъ, разрывая бумагу на мелкіе клочечки и пуская ихъ по вѣтру.

Когда начались классы, Элеазаръ оказался на своемъ мѣстѣ и не далъ замѣтить своего гнѣва, а кривобокій Давидъ съ особеннымъ подобострастьемъ около него увивался. Но именно эта необычайная предупредительность казалась тому въ высшей степени подозрительною. Изрѣдка злобно сверкавшіе сѣрые глаза и съ трудомъ сдерживаемый смѣхъ выдавали Давида—подозрѣніе Элеазара перешло въ увѣренность.

Классы кончились. Они завершились, по обыкновенію, чтеніемъ изъ библіи, а именно главы изъ Евангелія о глухонѣмомъ. Элеазаръ въ это время должно быть больше думалъ о кривобокомъ Давидѣ, потому что тотчасъ по выходѣ изъ школы, онъ выхватилъ его изъ толпы товарищей, приговаривая: „И онъ отдѣлилъ его изъ народа....“

Кривобокій Давидъ былъ совсѣмъ озадаченъ такими словами. Элеазаръ невозмутимо продолжалъ: „И приложилъ перстъ къ его ушамъ!“ и началъ таскать его за уши такъ, что лицо его раскраснѣлось какъ піонъ. Зрители хохотали. Преступникъ между тѣмъ пришелъ въ себя, поднялъ громкій крикъ, началъ ругаться, отбиваться отъ своего гораздо болѣе сильнаго противника, и неизвѣстно чѣмъ бы это все кончилось, если бы Абрагамъ не прибѣжалъ на своихъ длинныхъ ногахъ. Онъ оставался въ школѣ поговорить съ учителемъ, и только теперь вышелъ на шумъ и узналъ въ чемъ дѣло. Элеазаръ сейчасъ началъ доказывать ему свою совершенную правоту.

— Что ты его оттаскалъ, это ему по-дѣломъ, рѣшилъ оракулъ школы,— но что ты при этомъ употребилъ всуе слова изъ священнаго писанія, это очень дурно; это—святотатство.

Общее молчаніе. Кривобокій Давидъ первый прервалъ его.

— Да, и я скажу учителю!

— Ты этого не сдѣлаешь, весьма рѣшительно отвѣтилъ ему Эбъ,—а не то и отъ меня получишь кое-что на орѣхи.

Изъ уваженія къ размѣрамъ всѣми признаннаго судьи, и въ особенности его рукъ, Давидъ промолчалъ, зная очень хорошо, что ему нечего разсчитывать на помощь кого либо изъ товарищей.

— Ну, теперь дѣло между вами покончено, про-

должалъ судья,—протяните другъ другу руки и будьте друзьями, покрайней мѣрѣ оставьте другъ друга въ покоѣ.

Элеазаръ протянулъ руку, но Давидъ не обнаруживалъ охоты ударить по ней своею. Только угрожающій взглядъ Эба и его явное намѣреніе принять рѣшительныя мѣры заставили его сдаться.

Съ этого дня Эба иначе не звали какъ „примирителемъ“; только кривобокій Давидъ не былъ ему особенно признателенъ за его вмѣшательство.

У Абрагама было краткое жизнеописаніе Джорджа Уашингтона. Узнавъ, что у учителя есть другое, гораздо болѣе подробное, онъ выпросилъ себѣ эту книгу на нѣкоторое время.

— Не спѣши, сказалъ учитель, отдавая ее ему. Прочти неторопясь, со вниманіемъ.

Черезъ нѣсколько дней Эбъ принесъ книгу назадъ, притомъ съ очень печальнымъ лицемъ.

— Ужь прочелъ? удивился учитель.

— Нѣтъ, съ книгою случилось несчастье.

— Какое?

— Я взялъ книгу въ лѣсъ съ собою...

— И тамъ забылъ?

— Нѣтъ. Я нарочно ее оставилъ, чтобы всегда имѣть ее подъ рукою, и пріискалъ ей такое вѣрное мѣстечко въ дуплѣ стараго дерева. Но сегодня утромъ я нашелъ ее на землѣ, совсѣмъ вымоченную.

— Чтожь, ничего: высохнетъ.

— Я сейчасъ же разложилъ ее на солнцѣ; она и высохла, только совсѣмъ испорчена.

— Жаль, жаль!

— Дорогой мистеръ Крафортъ, мнѣ такъ жаль; я не хочу вводить васъ въ убытокъ, но заплатить вамъ за книгу я не могу. Нѣтъ ли у васъ какой работы?

— А вотъ сегодня у меня косятъ хлѣбъ. Если ты поможешь косить отъ обѣда до вечера, то книга будетъ совсѣмъ твоя.

Эбъ не заставилъ себѣ этого повторить. Въ тотъ же вечеръ онъ могъ считать книгу своею законною собственностью.

Онъ имѣлъ безусловно честную, правдивую натуру. Онъ не солгалъ бы, чтобы спасти свою голову: онъ былъ слишкомъ для этого гордъ. А между тѣмъ онъ относительно книги не сказалъ учителю всю полную правду. Онъ скрылъ отъ него, что онъ нашелъ книгу у корня дерева зарытою подъ мохъ и листья, такъ что она оказалась не только мокрою, но и грязною. Не сама же она выскочила изъ дупла и зарылась—это было совершенно ясно. А кто же могъ позволить себѣ такую продѣлку, какъ не общій врагъ, кривобокій Давидъ! Другой никогда бы и не открылъ ее.

Эбъ съумѣлъ такъ припереть негодяя, что заставилъ сознаться. Но Давидъ увѣрялъ, что не имѣлъ намѣренія испортить книгу, а только испугать его и заставить его поискать, за то, что когда

Элеазаръ оттаскалъ его за уши, онъ сказалъ, что по-дѣломъ.

Добродушный Эбъ повѣрилъ ему. Да и не могъ же Давидъ предвидѣть, что будетъ ливень. Итакъ, проказнику на этотъ разъ дѣло обошлось безъ послѣдствій.

VI.

Первое путешествіе.

Болѣе года Абрагаму не пришлось посѣщать школу мистера Крафорта. Для обитателя первобытныхъ лѣсовъ, онъ и безъ того зналъ уже болѣе чѣмъ достаточно, да и отецъ посовѣтовалъ ему начать извлекать пользу изъ своей необычайной физической силы.

Если бы Эбъ поступилъ, какъ большая часть нашихъ гимназистовъ и даже студентовъ, то онъ, оставивъ школу, поспѣшилъ бы забыть все, чему въ ней учился. Конечно, онъ тогда такъ и остался бы дровосѣкомъ и плотникомъ, и не сдѣлался бы президентомъ. Но онъ поступилъ совсѣмъ иначе, а именно какъ человѣкъ, желающій выйти въ люди своими заслугами: онъ продолжалъ учиться, гдѣ только и когда представлялась къ тому возможность. При этомъ онъ долженъ былъ своими ру-

ками зарабатывать себѣ и пищу, и одежду и деньги на покупку книгъ.

Работы было у него вволю, какъ всегда можетъ найтись у всякаго, кто не лѣнтяй.

Въ первобытныхъ лѣсяхъ штата Индіаны было непочатое богатство превосходнаго строительнаго лѣса, а въ большихъ городахъ дальше къ югу именно въ такомъ лѣсѣ былъ недостатокъ. Сосѣдъ Линкольновъ, мистеръ Питтъ, наживалъ большія деньги тѣмъ, что на свой счетъ рубилъ лѣсъ и доставлялъ его въ южные штаты. Абрагамъ былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ его дровосѣковъ. Его огромныя сильныя руки оказались капиталомъ, приносившимъ хорошіе проценты.

Абрагамъ былъ доволенъ своею судьбою. Пріобрѣтенныя въ школѣ познанія покуда не приносили ему денегъ, но пріобрѣтали ему расположеніе и уваженіе сосѣдей. Кому нужно было написать письмо, тотъ обращался къ нему и онъ всякія подобныя просьбы исполнялъ охотно и къ полному удовольствію просителей. Въ тоже время онъ научился вникать въ мысли другихъ и правильно излагать чужія мысли. Это впослѣдствіи очень ему пригодилось.

Отъ зоркаго глаза мистера Питта, опытнаго дѣльца, не могло ускользнуть, что Абрагамъ Линкольнъ обладаетъ гораздо большими знаніями и развитіемъ, нежели требуется простому дровосѣку. Однажды онъ призвалъ его къ себѣ.

— Каково поживаете, Эбъ?

— Благодарю васъ, сэръ,—хорошо.

— Какъ вамъ нравится ваше ремесло?

— Ничего-себѣ, бранить не за что.

— Вы, я слышу, занимаетесь и науками, и хорошо владѣете перомъ?

— Помаленьку, сэръ.

— Такъ не надоѣдаетъ ли вамъ, при такомъ образованіи, рубить деревья?

— Не могу сказать. Я заработываю этимъ хлѣбъ, какъ же я стану бранить свое дѣло?

— Это умно и справедливо. Сколько вамъ лѣтъ?

— Въ февралѣ мнѣ будетъ девятнадцать лѣтъ.

— Только? Вамъ можно дать больше. Вы большой и сильный, точно взрослый мужчина, да и смотрите умнѣе и солиднѣе вашихъ сверстниковъ. Нѣтъ ли у васъ охоты проѣхаться куда нибудь?

— Проѣхаться? Я давно объ этомъ мечтаю.

— Да, но замѣтьте — это вѣдь не прогулка. Я говорю о сплавкѣ лѣса внизъ по Миссисипи, въ Новый-Орлеанъ. Работы много, и тяжелой работы.

— Это ничего. Я отъ работы не бѣгаю!

— За то и зашибить можно хорошую деньгу.

— Тѣмъ лучше.

— И вотъ еще что. Не каждому я поручилъ бы это дѣло, даже здоровому и работящему человѣку. Дѣло въ томъ, что нужно не только сплавить лѣсъ въ Новый-Орлеанъ, но тамъ какъ можно выгоднѣе продать его. На это требуется ловкость

и сметка, а ни той, ни другой не положишь человѣку въ чемоданъ. Я никакъ не могу впередъ указать или научить какъ и что дѣлать—это виднѣе на мѣстѣ. Только надо ознакомиться съ тамошними условіями и стараться извлечь изъ нихъ наибольшую по возможности выгоду.

— Понимаю. Я бы не бросилъ товара кому попало.

— Затѣмъ вы выручите порядочную сумму — такую, какой у васъ вѣроятно еще не бывало въ рукахъ. Орлеанъ — большой городъ. Много есть тамъ, что смотрѣть, что купить; тамъ легко даже разжиться и, имѣя деньги въ карманѣ...

Мистеръ Питтъ прервалъ свою рѣчь, но проницательно глядѣлъ на юношу изъ-подъ сдвинутыхъ бровей. Абрагамъ отлично его понялъ, но душа его возмутилась подобнымъ сомнѣніемъ. Онъ не былъ въ состояніи отвѣчать, только весь вспыхнулъ отъ гнѣва и стыда, отвернулся и хотѣлъ уйти. Но Питтъ дружески положилъ ему руку на плечо, добродушно улыбнулся и сказалъ:

— Не сердитесь на меня, Эбъ; я такъ только сказалъ, къ слову. Если бы я васъ давно не зналъ за честнѣйшаго парня, я бы васъ не позвалъ.

Эбъ все еще молчалъ, но глядѣлъ уже не такъ мрачно.

— Такъ по рукамъ, что ли? Теперь остается вамъ только подумать о товарищѣ. Кого бы вы выбрали?

— Элеазара Джонса; онъ уже бывалъ въ Новомъ-Орлеанѣ.

— Дѣло. Онъ и не глупъ, однако торговаго дѣла я бы ему не поручилъ. Я полагаюсь на васъ одного по этой части. А Джонсъ пускай ѣдетъ съ вами. Пришлите его сейчасъ ко мнѣ. А теперь идите домой. Бросьте топоръ на сегодняшній день; все же вамъ надо кое-что приготовить, привести въ порядокъ.

Абрагамъ ушелъ домой въ совершенномъ восторгѣ отъ неожиданнаго счастья.

Отъ Индіаны до Новаго-Орлеана не близко. Миссисипи, исполинъ сѣвероамериканскихъ рѣкъ, извивается безчисленными изгибами между штатами Кентукки, Тенесси, Миссисипи, съ одной стороны, и Иллинойсъ, Миссури, Арканзасъ, Луизіаной, съ другой, до Мексиканскаго залива, въ который онъ вливается. Около южной границы Иллинойса онъ принимаетъ въ себя Огайо, который служитъ соединеніемъ между Миссисипи и штатомъ Индіаной. Новый-Орлеанъ построенъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ устья Миссисипи.

Судоходство по Миссисипи, особенно въ то время, нельзя сравнить съ судоходствомъ по нашимъ европейскимъ рѣкамъ. Ихъ отмели, быстрины, пороги, подводные камни, сколько ни требуютъ осторожности и ловкости, все не то, что препятствія встрѣчающіяся на Миссисипи. Особенно опасны древесные стволы, мѣстами стоящіе еще посреди рѣки,

такъ какъ судамъ легко о нихъ разбиться, а также оторванные пни, плывущіе по теченію; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть водовороты, они собираются и вертятся съ неимовѣрною быстротою, пока тотъ или другой не откидывается на большое разстояніе. Судно, попавшее въ такой водоворотъ, разумѣется безвозвратно погибло.

Понятно, что плотъ сплавлять по такой рѣкѣ— не шутка. Плотъ, ввѣренный Абрагаму, составленный изъ длинныхъ, толстыхъ деревьевъ, былъ хотя и крѣпкій, но очень тяжелый, и по самой громадности своей, неповоротливъ, такъ что требовалось немалое искусство, чтобы благополучно провести его до мѣста.

Эбъ и его пріятель живо собрались въ путь. Они надѣли на себя самое крѣпкое платье, запаслись теплыми шерстяными одѣялами, которыя должны были служить имъ и постелями, а главное—большимъ количествомъ провизіи, т. е. собственно хлѣба и мяса, потому что плаваніе должно было продолжаться нѣсколько недѣль.

— Не взять ли винтовку? озаботился Элеазаръ.

— Зачѣмъ? Насъ никто не тронетъ. Или ты испыталъ что нибудь дурное?

— Я-то, положимъ, нѣтъ. Но мнѣ много разсказывали о разбояхъ, особенно въ низовьяхъ рѣки.

— Э, пустыя розсказни! Только стращаютъ. Вин-

товка — вещь дорогая. Да еще заржавѣетъ она у насъ, тогда куда съ нею дѣнемся!

— Пожалуй, ненадо. Я и на то согласенъ.

— А въ случаѣ чего—у насъ кулаки и ножи. Съ Божьею помощью справимся.

Въ наилучшемъ настроеніи молодые сплавщики простились со своими и оттолкнулись баграми отъ берега, напутствуемые пожеланіями всѣхъ сосѣдей.

Началось плаваніе. Все шло хорошо. Они вошли въ Миссисипи и тутъ не могли пожаловаться. Плотъ велъ себя превосходно и послушно обходилъ всѣ препятствія, лишь бы сплавщики помогали длинными баграми. Небо было ясное, воздухъ тихій, вездѣ встрѣчалось что нибудь новое посмотрѣть и послушать. Окрестности были интересны, притомъ они не одни плыли по рѣкѣ.

Когда наступалъ вечеръ, они причаливали къ берегу, привязывали плотъ и спали подъ открытымъ небомъ, закутавшись одѣялами, не хуже чѣмъ дома. Что могло быть лучше! Въ вечерней бесѣдѣ съ товарищемъ, припоминая какъ онъ дома рубилъ деревья или кололъ и тесалъ колья для заборовъ, онъ не могъ не сознаться, что это, въ самомъ дѣлѣ, скучная работа. Такъ продолжалось нѣкоторое время. Но если послѣ дождя бываетъ солнце, то бываетъ также и на оборотъ. Однажды разразилась свирѣпая буря съ проливнымъ дождемъ. Буря скоро утихла, но дождь продолжалъ лить какъ изъ ведра. Къ тому же плотъ лѣниво подвигался, потому

что въ этомъ мѣстѣ площадь воды была слишкомъ мало наклонна. Приходилось не только мокнуть, но еще работать изо всѣхъ силъ. И одѣяла не помогли—оба пріятеля промокли до костей.

— Ну что, Эбъ, шутилъ Элеазаръ: — не лучше ли было бы теперь быть въ лѣсу? мы бы спрятались подъ деревомъ.

— Держи-ка лучше лѣвѣе, возразилъ Эбъ—не то мы какъ разъ и здѣсь познакомимся съ деревомъ.

— Я и то пру, что есть силы. А если бы дерево-то было съ большими, раскидистыми вѣтвями, да съ густою листвою, вѣдь не худо бы, а?

— Оставь меня въ покоѣ. На мнѣ сухой нитки нѣтъ, а плотъ ни съ мѣста!

— За то какъ выспишься! Хорошо бы только до вечера превратиться въ лягушекъ. То-то бы ты запѣлъ славныя пѣсни, воспѣвалъ бы наше плаваніе.

— Держи языкъ, а то я теперь же съ тобою поступлю какъ съ лягушкой и сброшу тебя въ воду.

— Небось вытащишь опять!

— А плыть по рѣкѣ все-таки весело.

— Ну, конечно.

Однако небо не захотѣло, чтобы насмѣшникъ остался правъ. Солнце выглянуло и, прежде чѣмъ сѣло, успѣло еще высушить платье нашихъ друзей и приготовить имъ теплый сухой ночлегъ.

Но имъ впереди предстояло приключеніе хуже этого. Они уже проплыли три четверти пути, когда въ одинъ прекрасный вечеръ — это было въ штатѣ Луизіанѣ—они безпечно легли спать, прикрѣпивъ плотъ къ берегу надлежащимъ порядкомъ. Эбъ долго не засыпалъ послѣ того, какъ товарищъ его уже храпѣлъ усерднѣйшимъ образомъ. Луна стояла на небѣ и разливала тихій свѣтъ по прекрасному ландшафту. Онъ любовался и мысленно переносился къ своимъ, въ далекій родной лѣсъ.

Вдругъ вблизи послышался ему легкій шумъ. Онъ не пошевельнулся, а только, навострилъ уши. Шумъ показался ему подозрительнымъ. Товарищъ его отъ легкаго толчка проснулся.

— Что случилось? спросилъ онъ, озадаченный.

— Слушай! коротко шепнулъ ему Эбъ.

Элеазаръ протеръ глаза и сталъ не только слушать, но и смотрѣть во всѣ стороны,

— Негры! наконецъ объявилъ онъ.

Эбъ вскочилъ на ноги въ одинъ мигъ.

— Кто тутъ? спросилъ онъ громовымъ голосомъ.

Отвѣта не послѣдовало; прежде слышанные ими шорохъ и шопотъ тоже умолкли.

— Кто тутъ? въ свою очередь крикнулъ Элеазаръ.

Показались четыре черныя фигуры и стали подходить ближе.

— Стойте! крикнули на нихъ оба пріятеля.

— Бѣдные негры! отозвались подозрительныя

фигуры, но такимъ голосомъ, какъ если бы нищій замахнулся на человѣка дубиною и при этомъ просилъ бы у него милостыни.

Абрагамъ и его товарищъ приняли оборонительное положеніе. Негры тотчасъ же бросили принятую сначала роль нищихъ. Одинъ бросился на Элеазара и пробилъ бы ему черепъ дубиною, если бы Эбъ не вырвалъ ее у него изъ рукъ и не схватилъ бы его самого за горло. Послѣ краткой борьбы нашъ силачъ привлекъ своего противника къ краю плота и столкнулъ въ воду. Остальные трое очевидно старались тоже самое сдѣлать съ Элеазаромъ; они втроемъ уцѣпились за него, но онъ отчаянно защищался ножомъ, пока Эбъ опять не пришелъ къ нему на помощь. Тогда негры оставили его и обратились противъ послѣдняго: одинъ изъ нихъ съ такою силою хватилъ Эба по правой рукѣ, что она у него опустилась; но онъ лѣвою старался схватить противника за горло. Разбойникъ бросилъ дубину и взялся за ножъ. Онъ попалъ Эбу въ лобъ и будь это полвершкомъ дальше вправо—ему пришлось бы проститься съ глазомъ. Къ счастью ножъ соскользнулъ по кости. Однако кровь полила изъ раны, но Эбъ не унимался, пока таки не схватилъ противника. Негръ, хотя и всталъ, но счелъ за лучшее убраться. Его товарищи, за которыхъ между тѣмъ принялся Элеазаръ, поднявшій брошенную дубину, не замедлили послѣдовать его примѣру.

— Черти этакіе! началъ ругаться Элеазаръ. — Если бы только было у насъ ружье! Ну что, другъ, сильно ты раненъ? кровь-то такъ и льетъ!

— Ничего; глазъ цѣлъ. А ты вотъ пощупай-ка себѣ лобъ.

— Проклятый! шишка съ кулакъ! Покрайней мѣрѣ мы знатно отдѣлали ихъ. Однако какъ ты много теряешь крови!

— Помочи-ка платокъ мой въ воду и обвяжи голову; я не могу поднять правой руки.

— И рука тоже! Поздравляю! какъ же мы доберемся до Орлеана?

— Какъ нибудь справимся. Перелома нѣтъ.

Оба храбрые борцы улеглись опять, хотя спать нечего было и думать въ эту ночь.

Оба они помолчали, занятые своими мыслями. Наконецъ Элеазаръ заговорилъ.

— Любопытенъ я знать, станешь ли ты и теперь еще заступаться за „*бѣдныхъ черныхъ людей?*“ Я всегда говорилъ, что это никуда негодная сволочь. Ты вѣчно меня за это бранишь да мораль читаешь — такъ вотъ теперь не угодно ли: познакомился поближе! Да этакимъ подлецамъ всякаго арапника мало!

— Я отнюдь не вижу причины мѣнять моего взгляда на невольничество.

— Ну, такъ и есть! Конечно — волковъ только не трогай, они обратятся въ овецъ!

— Если бы я имѣлъ возможность, я бы сегодня

возможность, я бы сегодня же освободилъ всѣхъ невольниковъ.

— Еще бы! чтобы они насъ завтра перебили! Я еще удивляюсь, право, какъ это ты стараго чорта бросилъ въ воду! Ты вѣроятно сдѣлалъ это по ошибкѣ, въ которой будешь раскаяваться всю жизнь.

— Если бы онъ утонулъ, мнѣ было бы очень жаль.

— Безподобно!... Отстань, пожалуйста, а то бѣситься начну.

— Да ты и то ужь бѣсишься. Лучше выслушай меня спокойно, и ты признаешься, что я правъ.

— Очень любопытенъ... Ну да, пожалуй—валяй!

— Ты конечно не станешь оспаривать, что и между бѣлыми есть разбойники и негодяи.

— Разумѣется.

— Слѣдуетъ ли изъ того, что всѣ бѣлые—дурные?

— Нѣтъ. Во всякомъ случаѣ мы съ тобою составляемъ исключенье.

— Вотъ видишь ли! Какъ ты думаешь, стали бы наши ночные разбойники грабить своихъ единоплеменниковъ?

— Не думаю. Они всегда добираются до бѣлыхъ.

— То то же! А отчего? оттого, что они бѣлыхъ ненавидятъ. А ненавидятъ ихъ оттого, что видятъ

въ нихъ своихъ мучителей, которыхъ убивать и грабить они не считаютъ за грѣхъ.

— И святой можетъ ошибаться. Въ тебѣ покрайней мѣрѣ эти добродѣтельные люди сильно ошиблись.

— Совсѣмъ не то было бы, если бы они имѣли поводъ смотрѣть на бѣлыхъ какъ на братьевъ, благодѣтелей.

— Благодарю покорно за такое братство! Что тамъ ни говори, а негръ лѣнивъ и коваренъ.

— Ты опять свое!

— Ну, продолжай—не стану!

— Пускай даже бѣлые имѣютъ нѣкоторыя природныя преимущества передъ черными; все же не можетъ подлежать сомнѣнію, что каждый человѣкъ имѣетъ неотъемлемое право пользоваться самъ плодомъ собственнаго труда. Притомъ надо еще посмотрѣть, не сталъ ли бы негръ лучше и усерднѣе работать, если бы онъ работалъ на себя. Трудъ воспитываетъ человѣка.

— Эти четыре бѣса, что насъ посѣтили, работали на себя; оттого такъ и старались.

— Объ этихъ нельзя и говорить.

— Однако они свободны.

— Но *какъ* свободны? они не пользуются свободою—они сбѣжали. Оттого они и не могутъ имѣть правильнаго, законнаго труда. Или ты далъ бы имъ работу?

— Да, какъ же! Стану богатымъ купцомъ—приглашу ихъ въ кассиры.

— Съ тобою говорить нельзя: только сердишься на меня.

— Ужь никакъ не на тебя! Напротивъ, удивляюсь тебѣ, что ты защищаешь твоихъ убійцъ, потому что если они насъ не убили, то это ужь никакъ не ихъ вина. Да и то чего ты добиваешься—прекрасно; только это фантазія, мечта, которой нельзя осуществить.

— Придетъ время—посмотримъ!

Пришло покуда утро, а вмѣстѣ съ нимъ весьма нелишняя помощь. Пароходъ, который шелъ внизъ по рѣкѣ изъ Сенъ-Луи, оставилъ имъ двухъ человѣкъ до Новаго Орлеана, такъ какъ Абрагамъ не могъ свободно владѣть ушибленной рукою.

Разбойниковъ имъ больше не встрѣчалось, за то погода совсѣмъ испортилась. Незадолго до того, какъ они дошли до цѣли своего путешествія, на нихъ опять нагрянула страшная гроза, съ бурею и проливнымъ дождемъ. Въ довершеніе удовольствія—по обѣимъ сторонамъ известковыя скалы. Не будь у нихъ двухъ дюжихъ помощниковъ, они непремѣнно потерпѣли бы крушеніе. Однако и эту опасность они благополучно миновали и въ цѣлости и сохранности прибыли въ Новый Орлеанъ.

Абрагамъ распорядился продажею товара и устроилъ дѣло вполнѣ удовлетворительно.

Молодые люди не могли отказаться отъ удоволь-

ствія поближе осмотрѣть чудеса большаго города. Они подъ руку отправились бродить по улицамъ, на-удачу.

Вдругъ они очутились передъ входомъ въ большое зданіе. По стѣнамъ прибитыя громадныя афиши, напечатанныя большими бросающимися въ глаза буквами, возвѣстили имъ, что тутъ сейчасъ будутъ продаваться съ аукціона нѣсколько партій невольниковъ. Передъ дверью стоялъ человѣкъ и изо всѣхъ силъ звонилъ въ большой колокольчикъ, созывая покупателей. Пріятели вошли съ толпою.

Въ громадной залѣ, на большомъ столѣ стояла пожилая негритянка и безучастно глядѣла на людей, суетливо тѣснившихся кругомъ стола. Лицо ея было очень печально. На полу подлѣ стола стояли двое дѣтей, лѣтъ десяти и тринадцати.

Аукціонъ начался. Долго не находилось желающихъ купить бѣдную женщину, такъ какъ она очевидно была плохаго здоровья. Наконецъ ее купилъ шумно распоряжавшійся господинъ съ усами въ большой соломенной шляпѣ за двѣсти долларовъ; сначала за нее было назначено четыреста.

Когда несчастная женщина сошла со стола, она бросила тревожный, печальный взглядъ на дѣтей— это были ея дѣти! Но никто не обратилъ на это вниманія; они были проданы другимъ, порознь, такъ что всѣ трое были разлучены. Бѣдная черная мать подняла раздирающій плачъ, на который

торговецъ отвѣтилъ проклятіями и угрозами, замахиваясь арапникомъ.

Абрагамъ заткнулъ себѣ уши и бросился вонъ на улицу. Сердце у него щемило, руки чесались, и онъ не могъ ничего сдѣлать. Если онъ до сихъ поръ негодовалъ на рабовладѣльцевъ, то теперь онъ почувствовалъ вдвое сильнѣйшее ожесточеніе противъ торговцевъ невольниками. Сейчасъ видѣнная сцена глубоко подѣйствовала и на Элеазара. Онъ взялъ пріятеля подъ руку и молча зашагалъ рядомъ съ нимъ.

Впослѣдствіи Линкольнъ слѣдующимъ образомъ отозвался объ этихъ презрѣнныхъ людяхъ въ одной изъ своихъ рѣчей, въ то время когда слово его уже имѣло большой вѣсъ въ дѣлахъ его отечества.

«Между приверженцами рабства есть особый классъ людей, отъ природы тирановъ, извѣстныхъ подъ названіемъ торговцевъ невольниками. Торговецъ невольниками слѣдитъ за потребностями рабовладѣльцевъ, чтобы продавать имъ людей или покупать ихъ у нихъ въ минуту нужды за выгодную для себя цѣну. Если рабовладѣлецъ и принимаетъ его охотно, когда въ немъ нуждается, то относится къ нему съ полнымъ презрѣніемъ, когда можетъ обойтись безъ него. Онъ его не признаетъ за честнаго, порядочнаго человѣка, еще менѣе согласится онъ водить съ нимъ знакомство. Онъ не позволитъ своимъ дѣтямъ сблизиться съ его дѣтьми,

хотя и не думаетъ запрещать имъ играть съ дѣтьми негровъ, невольниковъ.

„Тотъ, кого необходимость заставляетъ имѣть дѣло съ торговцемъ невольниками, старается по возможности сократить личныя сношенія съ нимъ. Всякому встрѣчному незадумываясь пожмешь руку, но торговцу невольниками подать руку—даже самому суровому рабовладѣльцу не дозволяетъ какое-то инстинктивное чувство. Даже когда онъ, разбогатѣвъ, удалится отъ торговли, на немъ остается пятно, и каждый счелъ бы себя опозореннымъ отношеніями съ нимъ и его семействомъ. Тутъ должно быть основаніе, глубоко лежащее въ природдомъ нравствепномъ чувствѣ: вѣдь не отталкиваетъ же насъ ни одинъ другой купецъ, торговавшій скотомъ, хлѣбомъ, табакомъ или какимъ бы то ни было другимъ товаромъ.“

Свободнымъ дѣтямъ первобытнаго лѣса скоро опротивѣла жизнь въ большомъ городѣ. Они собрались въ обратный путь и благополучно возвратились къ своимъ.

Труды и опасности, вынесенные въ эту экспедицію, скоро были ими забыты, а всѣ пріятныя впечатлѣнія остались живыми и свѣжими. Къ этому прибавилось еще полнѣйшее одобреніе и благодарность, которыя выразилъ имъ ихъ хозяинъ.

VII.

Тяжелое разставанье.

Съ тѣхъ поръ какъ Эбъ съѣздилъ въ Новый Орлеанъ, ему стало казаться, что онъ могъ бы и не все деревья рубить, а заняться чѣмъ нибудь получше—чѣмъ именно, онъ пока еще не уяснялъ себѣ. Однако онъ не сталъ брезгать работою, которой до поры до времени нельзя было промѣнять на другую, и по прежнему усердно рубилъ лѣсъ, кололъ и тесалъ колья для заборовъ.

Онъ мечталъ о повтореніи поѣздки въ Новый Орлеанъ, но эта мечта не сбылась, потому что мистеръ Питтъ рѣшился переѣхать изъ глухаго края, въ которомъ онъ поселился только временно, ради выгоднаго дѣла, въ другой болѣе населенный.

Извѣстно, что страсть къ переселеніямъ заразительна. Семейству Линкольновъ тоже захотѣлось куда нибудь двинуться; отчасти уговаривали ихъ къ тому родные Абрагамовой мачихи.

Индіана граничитъ съ Иллинойсомъ. Послѣдній штатъ славился плодородностью и дѣйствительно въ этомъ отношеніи превосходилъ сопредѣльный штатъ. Въ Иллинойсѣ были не одни лѣса, а также луга и черноземныя поля. Томасу Линкольну наскучила утомительная лѣсная работа; ему хотѣ-

лось перебраться въ лучшій край, но уже на-удачу. Онъ послалъ брата своей жены въ Иллинойсъ, на развѣдки. Тотъ возвратился въ восторгѣ отъ видѣннаго имъ. Это рѣшило дѣло. За покупателемъ дѣло не стало. Въ первый разъ поднять непочатую землю, да еще изъ подъ лѣса—такая трудная работа, что изъ сосѣдей нашлось много охотниковъ купить маленькую ферму, тѣмъ болѣе, что уплата производилась не вся деньгами, а отчасти быками, въ которыхъ переселенцы нуждались для перевозки домашняго скарба и рабочихъ инструментовъ.

Около четырнадцати лѣтъ Линкольны прожили въ первобытныхъ лѣсахъ Индіаны. Когда настала пора разставанья съ насиженнымъ мѣстомъ, обратившимся для нихъ въ родину, имъ стало очень тяжело. Четырнадцать лѣтъ назадъ ихъ было четверо; изъ этихъ четверыхъ осталось только двое: отецъ и сынъ. Мать и дочь покоились въ сырой землѣ, подъ той самой сосной, подъ которою такъ любилъ проводить свободные часы маленькій Эбъ. Десять лѣтъ назадъ отецъ сколотилъ гробъ для жены; три года назадъ сынъ сколотилъ другой — для сестры; теперь оба вмѣстѣ дѣлали кресты, и вмѣстѣ поставили ихъ на могилахъ своихъ милыхъ. Окончивъ свою грустную работу, они молча подали другъ другу руки надъ дорогими могилами. И какъ много, какъ безконечно много сказали они другъ другу этимъ безмолвнымъ рукопожатіемъ!

Старику было очень больно покидать курганъ,

подъ которымъ покоились подруга его молодости и первое ихъ дитя. Его семейство теперь было многочисленнѣе чѣмъ прежде, потому что вторая жена подарила ему четверыхъ дѣтей, а между тѣмъ, когда онъ стоялъ у этихъ могилъ, на него находило чувство одиночества, а онъ себѣ казался однимъ изъ тѣхъ старыхъ деревьевъ, которыхъ вершина обломана бурею.

Простившись съ друзьями и сосѣдями, переселенцы поднялись въ путь, въ числѣ четырнадцати человѣкъ и черезъ двѣ недѣли прибыли на новое мѣсто, въ двухъ съ половиною миляхъ отъ города Декатуръ, у рѣки Сангамона, въ штатѣ Иллинойсъ.

Мѣстность обѣщала много хорошаго, но гдѣ были домъ, дворъ и огородъ? Пришлось опять приниматься за работу, и Абрагамъ въ этотъ разъ могъ помогать отцу уже не такъ какъ четырнадцать лѣтъ передъ тѣмъ. Въ скоромъ времени у него было наготовлено до трехъ тысячъ кольевъ для обведенія новаго владѣнія заборомъ. Впослѣдствіи одинъ изъ этихъ кольевъ имѣлъ честь служить флагштокомъ для національнаго знамени. Это маленькое обстоятельство показываетъ, какъ высоко цѣнится и почитается въ Америкѣ трудъ, хотя бы самаго низкаго разряда.

Все лѣто и всю слѣдующую зиму Абрагамъ оставался въ родительскомъ домѣ, хотя онъ уже, по американскому закону, достигъ совершеннолѣтія.

Онъ не хотѣлъ оставлять отца, пока онъ не устроился окончательно на новомъ мѣстѣ.

Зима выдалась необыкновенно продолжительная и суровая. Нѣсколько мѣсяцевъ пролежалъ снѣгъ глубиною въ три фута, такъ что потомъ долго поминали эту зиму чрезвычайнымъ обиліемъ снѣга.

Зима эта сдѣлала Абрагама отважнымъ охотникомъ. У насъ богатые люди смотрятъ на охоту, какъ на удовольствіе, роскошь: убьетъ дичь, хорошо; не убьетъ—не бѣда. Тамъ было не то. Для Эба охота была работою, тяжелою работою: *надо* было приносить домой дичь, иначе семейству нечего было ѣсть.

Надо впрочемъ и то сказать, что въ степяхъ—или преріяхъ—дальняго запада Сѣверной Америки, дичь не такая рѣдкость какъ у насъ: тамъ нѣтъ недостатка въ оленяхъ, зайцахъ, куропаткахъ, дикихъ индѣйкахъ, но всѣ эти животныя пугливы и хитры и умѣютъ прятаться или уходить отъ охотника. А когда дѣло дойдетъ до выстрѣла, необходимо имѣть вѣрный глазъ и твердую руку, чтобы даромъ не истратить пороха. Между тѣмъ то и другое пріобрѣтается навыкомъ, а навыка то и не было у Эба, который никогда не былъ большимъ любителемъ оружія. Но нужда чему не научитъ! она и изъ Эба сдѣлала хорошаго стрѣлка; и мало ли чего еще она впослѣдствіи не сдѣлала изъ него!

VIII.

Эбъ становится самостоятеленъ.

Двѣнадцатаго февраля 1831 г. Эбу минуло двадцать два года.

Приближалась весна и напоминала ему, что пора бы ему порѣшить, какъ устроить свою будущность. Ему представлялся одинъ выборъ: либо оставаться съ отцомъ до его смерти и потомъ принять оставшееся отъ него наслѣдство, либо искать счастья въ чужихъ людяхъ. Привязанность къ отцу удерживала его дома, жажда болѣе широкой дѣятельности влекла его въ даль. Онъ не зналъ на что рѣшиться. Отецъ помогъ ему.

— Эбъ, сказалъ онъ ему, — подходитъ время, когда хорошихъ рабочихъ ищутъ всѣ хозяева. До сихъ поръ ты работалъ все только для меня; всю зиму ты одинъ всѣхъ насъ прокормилъ; но тебѣ-то мало отъ этого толка.

— Я исполнилъ только долгъ, отецъ, и мнѣ не было трудно.

— Я знаю твою скромность, но такъ не можетъ продолжаться. Ты уже въ лѣтахъ. Недалеко время, когда тебѣ можно будетъ подумать о томъ, чтобы зажить своимъ домомъ. Какъ ты мнѣ ни помогаешь своею работою, но жалованья я не могу тебѣ платить.

— Я и не просилъ, и не прошу.

— Знаю; но безъ своихъ денегъ ты никогда не достигнешь самостоятельности. Поэтому я бы тебѣ посовѣтовалъ идти въ люди и поработать для себя. Обо мнѣ тебѣ нечего безпокоиться: самая трудная работа уже сдѣлана, а я еще силенъ и бодръ, слава Богу!

— Если ты этого хочешь, отецъ, я пойду.

— Не говори такъ, какъ будто я тебя гоню. Я только желаю твоей пользы. Зачѣмъ я позволю тебѣ работать на меня, когда въ этомъ уже нѣтъ необходимости? Для насъ двоихъ работы мало — земля наша слишкомъ невелика. Испытай лучше счастье между чужими. Если тебѣ повезетъ и удастся тебѣ прикопить деньгу, ты вернешься черезъ нѣсколько лѣтъ, я тебѣ передамъ ферму и ты будешь имѣть средства все устроить лучше, чѣмъ я теперь могу это сдѣлать. А если твои дѣла пойдутъ худо, домъ отца во всякое время тебѣ будетъ открытъ—только приходи.

— Ты правъ отецъ; попытаю счастье.

Итакъ Абрагамъ разстался съ отцомъ. Онъ рѣшился идти той дорогой, которою долженъ пройти каждый небогатый человѣкъ, если не хочетъ всю жизнь прозябать въ бѣдности. У насъ въ Европѣ стыдятся черной работы, потому что потомъ ею могутъ попрекнуть. Въ Америкѣ этотъ стыдъ и это опасеніе неизвѣстны. Тамъ не спрашиваютъ адвоката, военнаго, богатаго купца, президента:

„Чѣмъ вы были прежде?“ Былъ ли человѣкъ поденщикомъ, носильщикомъ, разсыльнымъ, плотникомъ или портнымъ, лишь бы только онъ хорошо исполнялъ свое настоящее дѣло и всегда былъ честнымъ человѣкомъ—никому нѣтъ никакого дѣла. А также и на-оборотъ: достоинства и заслуги отца отнюдь не помогаютъ сыну достигнуть чиновъ и почестей, если онъ самъ не можетъ похвалиться тѣми же качествами. О Линкольнѣ, въ бытность его президентомъ, разсказываютъ одинъ анекдотъ, поясняющій то, что мы сейчасъ сказали:

Одинъ нѣмецъ изъ стараго дворянскаго рода вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ рѣшился переселиться навсегда въ Америку. Онъ просилъ президента принять его въ армію офицеромъ. Просьба его была исполнена. Кромѣ того онъ имѣлъ аудіенцію у президента, который такъ восхитилъ его своею любезностью, что онъ разговорился и даже между прочимъ замѣтилъ, что онъ происходитъ изъ древняго и знаменитаго германскаго рода, что вѣроятно не останется безъ вліянія на его карьеру. „О не бойтесь, возразилъ ему Линкольнъ съ свойственною ему доброю и тонкою улыбкою,—это вамъ у насъ нисколько не помѣшаетъ.“

Когда Линкольнъ разстался съ отцомъ, онъ былъ бѣднякъ въ полномъ смыслѣ слова; онъ могъ разсчитывать только на работу своихъ рукъ, но всѣ двери были ему открыты.

Абрагамъ работалъ гдѣ только находилъ работу.

Онъ попалъ въ Петербургъ, въ Илиннойсѣ, къ фермеру, по имени Армстронгъ, къ которому онъ поступилъ работникомъ. Его хозяева, добрые старики, такъ полюбили его, что обращались съ нимъ какъ съ сыномъ, тѣмъ болѣе, что родной сынъ ихъ Джонъ, нѣсколькими годами моложе Эба, не очень то ихъ радовалъ. Поэтому, когда кончились полевыя работы и наступила зима, они его не отпустили отъ себя. Можетъ быть они надѣялись, что примѣръ такого порядочнаго, трудолюбиваго молодаго человѣка благотворно подѣйствуетъ на ихъ сына. Абрагамъ самъ очень привязался къ старикамъ, да и Джона не могъ не полюбить, потому что имѣлъ случай убѣдиться, что при всемъ его безпутствѣ, у него не злое сердце, а что онъ только неостороженъ и легкомысленъ. Джонъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые научаются только собственнымъ горькимъ опытомъ.

Вмѣстѣ съ зимою наступило для нашего друга много досужныхъ часовъ, которыми онъ съумѣлъ воспользоваться. Онъ въ первый разъ занялся грамматическимъ изученіемъ своего роднаго языка, а также чтеніемъ нѣсколькихъ серьезныхъ книгъ. Ему очень было бы пріятно, если бы Джонъ занимался вмѣстѣ съ нимъ, но онъ никакъ не могъ его пріохотить: ему просто не сидѣлось на мѣстѣ, и онъ говорилъ, что не понималъ какая ему можетъ быть отъ этого польза, такъ какъ вѣдь онъ не собирается въ адвокаты.

Черезъ своихъ добрыхъ хозяевъ Абрагамъ познакомился съ однимъ купцомъ по имени Дантенъ Оффультъ; онъ ему разсказалъ о своей поѣздкѣ въ Новый-Орлеанъ по порученію мистера Питта и купецъ предложилъ ему поступить къ нему и вторично отправиться въ тотъ же городъ по его дѣламъ, какъ только наступитъ весна. Абрагамъ охотно согласился.

Съ грустью и благодарностью разстался онъ со своими превосходными друзьями и крѣпко на прощаніе пожалъ руку ихъ сыну.

На этотъ разъ онъ долженъ былъ везти на югъ разные продукты сѣвера, съ тѣмъ чтобы вымѣнять на нихъ продукты юга. Путешествіе предстояло не такое утомительное какъ первое, такъ какъ ему даны были два работника, и отъ него требовалась не столько физическая, сколько головная работа.

Какая перемѣна въ его жизни: до зимы—работникъ на фермѣ, послѣ зимы—купецъ!

Новый-Орлеанъ построенъ въ крайне нездоровой мѣстности; послѣ дождливаго времени года, кругомъ чистое болото. Знойное южное солнце не въ состояніи высушить его и жаръ только еще больше развиваетъ злокачественныя испаренія или міазмы. Вода для питья дурна, воздухъ зараженъ; поэтому желтая лихорадка—частый гость. Мы всѣ знаемъ по опыту какъ ужасно свирѣпствуетъ холера, гдѣ она разъ поселилась при благопріятныхъ для нея условіяхъ—говорятъ, что желтая лихорадка

дѣйствуетъ еще гораздо опустошительнѣе, притомъ она такъ же заразительна какъ чума.

Эту-то ужасную эпидемію Линкольнъ засталъ въ Новомъ-Орлеанѣ въ полномъ разгарѣ.

Не было надобности ему этого говорить: онъ сразу прочелъ это на лицахъ тѣхъ немногихъ людей, которые ему встрѣчались на улицахъ. Каждый избѣгалъ пройти близко отъ другаго, изъ страха заразиться, всѣ быстро и безмолвно скользили мимо, точно привидѣнія.

Городъ, осаждаемый непріятелемъ, производитъ тяжелое впечатлѣніе: не слыхать ни колокольнаго звона, ни музыки, ни веселаго смѣха — всюду угрюмыя, озабоченныя лица. Однако тамъ знаютъ врага, знаютъ съ какой стороны онъ угрожаетъ, какъ отъ него защищаться. Безконечно ужаснѣе положеніе города, въ которомъ свирѣпствуетъ такая эпидемія, какъ чума или желтая лихорадка. Непріятель не тутъ, не тамъ — онъ вездѣ и нигдѣ. Находясь со своимъ лучшимъ другомъ, не знаешь не въ злѣйшаго ли врага онъ невольно обратился. Поэтому на всѣхъ лицахъ страхъ, ужасъ, отчаяніе. А средствъ защиты—никакихъ!

Какими многолюдными, оживленными, шумными Линкольнъ нашелъ улицы Новаго-Орлеана въ первый свой пріѣздъ; а теперь—какое опустѣніе, какая тишина! Морозомъ подернуло его при мысли, что онъ теперь во власти врага, о которомъ слыхалъ такъ много ужаснаго.

Было уже темно, когда онъ отправился на свою прежнюю квартиру. По дорогѣ онъ споткнулся о какой-то длинный, темный предметъ, въ которомъ онъ какъ будто узналъ очертанія человѣка. Онъ вошелъ въ ближайшій домъ и попросилъ фонаря. Съ нимъ пошелъ негръ, чтобы свѣтить ему. Негръ былъ безъ правой руки.

— Какъ ты лишился руки? спросилъ его Линкольнъ.

— Мой прежній господинъ отрубилъ мнѣ ее.

— За что?

— За то, что я защищался однажды, когда онъ меня безъ вины сталъ бить.

— Но развѣ онъ имѣлъ право это сдѣлать?

— По закону бѣлыхъ—имѣлъ.

Абрагамъ содрогнулся. Но какъ описать его ужасъ, когда онъ узналъ, при свѣтѣ фонаря, предметъ, о который споткнулся въ темнотѣ? Пять труповъ лежали на голомъ камнѣ, не далеко отъ нихъ на улицѣ же стояло нѣсколько гробовъ. По сосѣдней улицѣ, между тѣмъ приближалась группа темныхъ фигуръ, медленно, торжественно, безмолвно. Это были члены братства Богоматери Всѣхъ Скорбящихъ. За ними слѣдовала ломовая телега съ пятью гробами. Братья положили въ нихъ трупы, поставили на телегу и другіе, приготовленные для этого гробы съ покойниками, и исчезли такъ же безмолвно какъ явились.

Линкольнъ поспѣшилъ на свою квартиру и легъ,

но не могъ заснуть. Ему трудно было справиться съ паническимъ страхомъ, охватившимъ его, хотя онъ твердо зналъ, что, поддаваясь ему, всего легче заболѣть. Наконецъ, однако, ему удалось успокоить себя и онъ заснулъ. На другое утро онъ удивился проснувшись бодрымъ и здоровымъ, тогда какъ онъ во снѣ видѣлъ себя мертвымъ, и помнилъ даже какъ однорукій негръ столкнулъ его ногою съ панели на мостовую. Онъ расправилъ и вытянулъ всѣ члены: онъ былъ совершенно здоровъ. Окончательно оправившись, онъ бодро принялся за дѣло.

Если ужасное состояніе города произвело на него лично тяжелое впечатлѣніе, за то въ дѣловомъ отношеніи это оказалось крайне выгодно. Онъ былъ почти единственный пріѣзжій купецъ. Находившіеся въ городѣ склады товаровъ страшно упали въ цѣнѣ, потому что на нихъ не было спросу, но привозные на столько же возвысились, потому что въ нихъ ощущалась потребность, а привоза не было. А все-таки Линкольнъ былъ душевно радъ, когда онъ могъ, обдѣлавъ наивыгоднѣйшимъ образомъ порученное ему дѣло, возвратиться на сѣверъ. Онъ благодарилъ Бога, что остался здоровъ, и далъ себѣ клятву никогда не поселяться въ южныхъ штатахъ.

Мистеръ Оффультъ пришелъ въ неописанный восторгъ отъ успѣха торговой поѣздки своего посланнаго. Онъ объявилъ, что ни за что не разста-

нется съ Абрагамомъ, и настоятельно приглашалъ его принять на себя завѣдываніе новою лавкою, которую онъ основывалъ въ Нью-Салемѣ. Абрагамъ не имѣлъ причины отказать въ своемъ согласіи. И такъ онъ отправился въ Нью-Салемъ и принялся за свое новое дѣло съ свойственнымъ ему усердіемъ.

Между тѣмъ ему не суждено было долго оставаться лавочникомъ. Еще много предстояло ему узнать и пережить, прежде чѣмъ онъ могъ съ честью занять президентское кресло. Слѣдующею перемѣною въ своей жизни онъ былъ обязанъ Черному-Соколу, индѣйскому вождю.

IX.

Абрагамомъ овладѣваетъ честолюбіе.

Когда Линкольнъ уже былъ президентомъ, т. е. избраннымъ отъ народа правителемъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, ему однажды привелось, въ разговорѣ съ друзьями, упомянуть о различныхъ положеніяхъ, занимаемыхъ имъ въ теченіе своей жизни.

«Только въ этотъ годъ» (тотъ, о которомъ мы сейчасъ разсказывали), во мнѣ поселился духъ надменности и самонадѣянности. Въ то время, сказать по правдѣ, я весьма гордился своими большими

ручищами, на которыя впослѣдствіи научился смотрѣть совсѣмъ иначе. Голова у меня кишила планами, но я долженъ сознаться, что въ этихъ планахъ руки мои всегда играли главную роль. Изъ прикащика я надѣялся сдѣлаться купцомъ—блестящая перспектива, со смутнымъ призракомъ банкротства на заднемъ планѣ! На этотъ случай я находилъ утѣшеніе опять-таки въ моихъ длинныхъ рукахъ. „Черный Соколъ" произвелъ меня изъ прикащиковъ въ капитаны; положимъ, что я не непосредственно отъ него получилъ свой патентъ, однако по его милости жизнь моя повернула въ совершенно новую колею."

Итакъ, Черный-Соколъ окончательно вывелъ нашего Эба въ люди.

Для того, чтобы это понять, нужно начать нѣсколько издалека.

Когда генуэзецъ Христофоръ Колумбъ открылъ Америку въ 1494 г., онъ думалъ, что открытая имъ земля принадлежитъ къ Индіи, которой онъ искалъ (отчего и произошло названіе *Вестъ-индія*). Туземцевъ онъ поэтому назвалъ *индѣйцами*, и они сохранили это имя до сихъ поръ на всемъ американскомъ материкѣ. Это—люди съ красноватымъ цвѣтомъ кожи, по большей части безбородые, храбрые и хитрые воины. Обѣ стороны сначала смотрѣли одна на другую съ большимъ удивленіемъ, которое скоро превратилось въ жестокую, обоюдную ненависть. Бѣлые стали проникать все далѣе

въ страну и вытѣснять краснокожихъ туземцевъ, присвоивая себѣ ихъ земли, или вѣрнѣе обширныя земли, на которыхъ они охотились, такъ какъ индѣйцы не имѣли осѣдлости, не знали земледѣлія и жили исключительно охотою, да тѣмъ, что природа сама давала имъ.

Краснокожіе, хотя далеко не глупые, никакъ не могли понять чего бѣлымъ у нихъ нужно, и чѣмъ они навлекли на себя ихъ вражду. Они не хотѣли дать себя согнать со своихъ родовыхъ земель и стали защищаться. Но это мало имъ помогло; самая отчаянная храбрость, при такомъ первобытномъ оружіи, какъ копья и стрѣлы, не могла ничего подѣлать противъ винтовокъ бѣлыхъ воиновъ; не помогали также ни хитрость, ни превосходство по части тонкости зрѣнія и слуха. Краснокожіе должны были отступать съ каждымъ днемъ и ихъ становилось все меньше.

Съ самаго вторженія испанцевъ въ Америку, истребительная война бѣлыхъ съ индѣйцами никогда не прерывалась. Дикари за несправедливость и жестокость платили тѣмъ же и, гдѣ только могли, устраивали засады, изъ которыхъ въ одиночку или толпами бросались на бѣлыхъ и убивали ихъ. Съ головы каждаго убитаго они сдирали кожу черепа, сдѣлавъ для этого ловкій надрѣзъ кругомъ головы. Этотъ знакъ побѣды они называли *скальпомъ* и носили его на поясѣ, а потомъ вѣшали въ

своемъ шатрѣ или лагерѣ. Впрочемъ все это дѣлается еще и теперь!

Съ теченіемъ времени индѣйцевъ становилось все меньше и меньше, земли, на которыхъ они охотились, все уменьшались въ размѣрахъ, за то ненависть къ бѣлымъ росла и переходила изъ рода въ родъ. Вслѣдствіе этого краснокожіе сдѣлались ужаснымъ бичемъ для одинокихъ мирныхъ поселенцевъ, ни въ чемъ неповинныхъ. Почувствовалась необходимость провести опредѣленную, неизмѣнную границу между владѣніями индѣйцевъ и бѣлыхъ, съ тѣмъ чтобы граница эта уважалась обѣими сторонами. Въ то время, о которомъ идетъ нашъ разсказъ, границею этою былъ Миссисипи; на востокъ отъ него считались земли краснокожихъ, а на западъ—бѣлыхъ. Краснокожимъ не велѣно было переступать черезъ него безъ особаго разрѣшенія правительства; бѣлымъ—тоже. Но съ этимъ закономъ было то же, что бываетъ со всѣми на свѣтѣ законами: онъ то и дѣло нарушался, чуть ли даже не чаще всякаго другаго.

Бѣлые охотники и звѣроловы весьма мало заботились о томъ, на чьихъ земляхъ они стрѣляли дичь или разставляли свои капканы. Куда увлекалъ ихъ отважный духъ или вѣроятность на хорошую добычу, туда они и шли. Мало того—они не стѣснялись расхищать склады мѣховъ, которые они мѣстами находили на индѣйскихъ земляхъ.

Эти охотники очень берегутъ заряды, потому

что порохъ, дробь и пули трудно получить, но про индѣйца у нихъ всегда, кромѣ длиннаго охотничьяго ножа, готова пуля. Когда встрѣчаются бѣлый и краснокожій охотникъ, то одинъ только сходитъ съ мѣста, а именно тотъ, кто проворнѣе поднялъ винтовку къ плечу и вѣрнѣе прицѣлился. Такъ ужь они и знаютъ. Постояннымъ пребываніемъ подъ открытымъ небомъ, непрерывною, близкою опасностью, чувства бѣлыхъ обитателей лѣсовъ и степей до того изощряются, что они мало уступаютъ краснокожимъ; а огнестрѣльное оружіе у бѣлыхъ всегда лучше; поэтому на одного бѣлаго убито бываетъ непремѣнно десять индѣйцевъ. За каждаго убитаго мстятъ всѣ его единоплеменники, собираются дружинами и разоряютъ фермы бѣлыхъ или селенія краснокожихъ. Такимъ образомъ увѣковѣчиваются раздоръ и кровопролитіе, грабежи и поджоги, и никакое правительство не въ состояніи положить этому преграду.

Въ то время, о которомъ мы разсказываемъ, одинъ индѣйскій вождь сдѣлался главою многихъ племенъ: Осаговъ, Команчей, Сіусовъ, Лисицъ, Собакъ, и пр. Звали этого могущественнаго вождя Чернымъ Соколомъ. Ему подчинялись многіе мелкіе вожди. Изъ нихъ нѣкоторые формальнымъ договоромъ уступили Соединеннымъ Штатамъ земли, лежащія между рѣками Иллинойсомъ и Уисконсиномъ, но безъ согласія Чернаго-Сокола. Американцы вступили въ уступленныя владѣнія еще прежде, нежели индѣй-

цы очистили ихъ, и начали распоряжаться самымъ беззастѣнчивымъ образомъ, не дожидаясь утвержденія договора Чернымъ-Соколомъ. Этотъ послѣдній сначала обратился съ жалобою къ правительству, но видя, что это не помогаетъ, созвалъ подвластныя ему племена и объявилъ бѣлымъ войну. По этому поводу онъ послалъ имъ слѣдующую военную прокламацію, конечно не печатную, а изустную, черезъ разосланныхъ нарочно гонцовъ: — „Воры, а не воины продали наши земли, лежащія между Иллинойсомъ и Миссисипи отцу бѣлыхъ въ Уашингтонѣ. Мы ничего не сказали и терпѣли. Давно уже звѣроловы ходили къ намъ черезъ Миссисипи; они стрѣляли красныхъ людей, ихъ женъ и дѣтей, какъ луговыхъ волковъ. Теперь наши жилища сожжены, нашъ скотъ убитъ и угнанъ, наши маленькія дѣти сдѣлались добычею изверговъ. Такъ знайте же, что Черный Соколъ переходитъ за большую рѣку, чтобы съ вами поступать такъ, какъ вы поступали съ его братьями."

Разгнѣванный Соколъ сдержалъ слово. Его воины ночью переправились черезъ Миссисипи въ маленькихъ лодочкахъ, такихъ легкихъ, что они могли нести ихъ на своихъ плечахъ, и напали, на поселенія бѣлыхъ въ штатахъ, прилегающихъ къ громадной рѣкѣ. Они поджигали фермы, убивали жителей, угоняли скотъ и исчезали такъ же быстро какъ появлялись.

Поселенцамъ пришлось покидать свои земли; они

обратились за помощью къ губернатору, который тотчасъ же выслалъ генерала съ отрядомъ противъ краснокожихъ и издалъ прокламацію съ приглашеніемъ всѣмъ молодымъ людямъ штата вооружиться и образовать волонтерскія дружины.

Абрагамъ Линкольнъ, хотя ему было хорошо въ Нью-Салемѣ, однако одинъ изъ первыхъ отозвался на это приглашеніе. Онъ получилъ патентъ на капитана роты волонтеровъ. На первомъ же смотрѣ, онъ былъ пріятно удивленъ, увидѣвъ между своими людьми двухъ старыхъ пріятелей: Джона Армстронга и Элеазара Джонса.

Предпринимать длинный курсъ военнаго ученія нечего было и думать, да и не было надобности, такъ какъ вѣдь и непріятель дѣйствовалъ не по правиламъ военной тактики: Линкольнъ охотно уступилъ бы желанію своей дружины и повелъ бы ее прямо противъ хищниковъ, но онъ долженъ былъ, согласно полученному предписанію, примкнуть къ войскамъ генерала. Послѣдній былъ выбранъ неудачно. Онъ не умѣлъ справиться съ такимъ хитрымъ, расторопнымъ противникомъ, какъ Черный Соколъ. Онъ всюду опаздывалъ. Вездѣ находилъ онъ опустошенныя мѣста, но непріятеля—нигдѣ и слѣда. Его солдатамъ приходилось только идти, терпѣть голодъ, слушать безконечныя жалобы—но до сраженія дѣло не доходило. Регулярная пѣхота относилась къ этому довольно равнодушно, но волонтеры возмущались. Наконецъ яви-

лась надежда принудить враговъ къ сраженію. Они находились на небольшомъ Вандргофовомъ островѣ, на Миссисипи. Надо было отрѣзать имъ отступленіе. Волонтеры вызвались это сдѣлать, но генералъ не заблагоразсудилъ принять услуги этой „распущенной шайки“; онъ послалъ своихъ пѣхотинцевъ — и тѣ опять опоздали. Когда наконецъ былъ отданъ приказъ двинуться къ мѣсту — за деньги нельзя было бы сыскать ни одного индѣйца. Тутъ уже волонтеры потеряли всякое уваженіе къ генералу. Джонъ Армстронгъ разумѣется оказался коноводомъ недовольныхъ. Надо было что нибудь придумать, иначе—быть бѣдѣ!

Линкольнъ отправился къ генералу и изложилъ ему положеніе дѣлъ.

Генералъ началъ ругаться:

— Пускай убираются къ чорту! Ни тѣни у нихъ нѣтъ военной дисциплины.

Къ несчастью нельзя было такъ ни съ того, ни съ сего прогнать волонтеровъ.

Линкольнъ предложилъ генералу образовать летучій отрядъ изъ всѣхъ недовольныхъ и послать его на развѣдки. Предложеніе это крайне понравилось высшему начальнику, такъ какъ оно избавляло его отъ нарушителей его покоя. Джонъ былъ назначенъ начальникомъ летучаго отряда и съ удовольствіемъ отдѣлился отъ главнаго корпуса. Линкольнъ почти не менѣе самого генерала радъ былъ

избавиться отъ него. Съ его необдуманною натурою рѣшительно слада не было.

При главномъ корпусѣ, между тѣмъ, дѣла продолжали идти по прежнему, т. е. изъ рукъ вонъ плохо. Дружина Абрагама начала таять какъ снѣгъ и онъ наконецъ рѣшился отказаться отъ начальства, чтобы не очутиться капитаномъ и ротою вмѣстѣ, въ одномъ лицѣ.

Если все-таки состоялся мирный договоръ съ Чернымъ Соколомъ, то этимъ бѣлые были обязаны преимущественно летучему отряду и приближенію зимы. Этимъ договоромъ было постановлено, чтобы обоюдною границею оставался, по прежнему, Миссисипи, и чтобы нарушенія болѣе не повторялись.

По окончаніи достославной кампаніи, Линкольнъ опять могъ распорядиться собою. Представлялся вопросъ: возвратиться ли ему въ Нью-Салемъ и стать ли снова за прилавкомъ? Странное дѣло: этотъ краткій эпизодъ совсѣмъ отбилъ у него охоту къ прилавку, и честолюбіе не на шутку взыграло въ немъ. Становясь притомъ зрѣлѣе умственно, независимѣе, лучше сознавая самого себя, онъ пришелъ къ убѣжденію, что перомъ и языкомъ онъ пожалуй уйдетъ дальше чѣмъ однѣми руками. Къ этому присоединилось еще и то обстоятельство, что изъ его прежнихъ товарищей многіе сдѣлались адвокатами.

Подумалъ онъ еще, раскинулъ умомъ — и рѣ-

шился отказаться на всегда отъ мысли возвратиться на ферму къ отцу, съ тѣмъ, чтобы принять на себя хозяйство, а проложить себѣ дорогу трудомъ не физическимъ, а умственнымъ. Для этого ему достаточно было уступить своимъ вкусамъ и наклонностямъ, которыя всегда безсознательно влекли его къ высшему образованію, къ пріобрѣтенію знанія. Однимъ словомъ, онъ теперь сознательно пошелъ къ уясненной себѣ цѣли, которую онъ до сихъ поръ смутно и безсознательно преслѣдовалъ.

Если Абрагамъ теперь уже началъ относиться къ своимъ большимъ рукамъ иначе чѣмъ прежде, однако онъ пока все еще весьма нуждался въ нихъ и даже въ своихъ длинныхъ ногахъ, потому что и въ Америкѣ сразу не попадешь въ адвокаты. Положимъ, что тамъ не необходимо пройти для этого гимназію съ университетомъ, но непремѣнно нужно доказать, что знаешь и понимаешь законы страны, такъ чтобы быть въ состояніи правильно толковать и примѣнять ихъ. Для этого требуется основательное и точное изученіе законовъ, а на это опять-таки требуется время и — деньги, потому что нельзя же питаться пока воздухомъ. Богатымъ хорошо: стоитъ только засѣсть и учиться. Линкольну же оставалось одно: опять искать работы и учиться въ свободные отъ работы часы.

Это было какъ разъ въ то время, когда въ Америку прибывали эмигранты огромными толпами,

особенно нѣмцы. Большая часть изъ нихъ хотѣли обзавестись землями. Поэтому въ Чикаго, въ штатѣ Иллинойсѣ, образовалось общество, которое покупало у правительства необработанныя земли, межевало ихъ, отмѣчало на нихъ мѣста для селеній и городовъ; потомъ разбивало ихъ на участки и уже эти участки продавало эмигрантамъ. Оно этимъ наживало большія деньги и служащіе у него тоже получали хорошее жалованье. Линкольнъ явился къ этому обществу въ качествѣ землемѣра. Онъ хотя никогда еще самъ не возился съ цѣпью и астролябіею, но онъ зналъ, что въ этомъ большой мудрости нѣтъ и что можно отлично выучиться за дѣломъ. Онъ и не ошибся въ разсчетѣ.

Пока ему приходилось размежевывать только покрытыя травою луга (Prairie), все шло какъ нельзя лучше. Когда наступалъ вечеръ, онъ разводилъ огонь, укладывался подлѣ на землѣ, доставалъ книгу изъ сумки и учился. Но когда онъ сталъ углубляться въ лѣса, работа стала далеко не такою легкою. Первымъ дѣломъ ему приходилось расчищать дорогу топоромъ, а потомъ уже приниматься за другіе инструменты. Однако, какъ ни уставалъ онъ за день, а вечеромъ онъ не забывалъ книги: онъ ни на минуту не терялъ изъ вида своей цѣли.

Иногда бѣдному землемѣру приходилось очень скверно, такъ скверно, что будь онъ сколько ни-

будь избалованъ или нѣженка, онъ бы не выдержалъ, а именно когда было ненастье, дождливое время. Тогда онъ строилъ себѣ шалашикъ и забирался въ него. Но такъ какъ крыша состояла только изъ вѣтвей да листьевъ, то дождь все-таки добирался до него; кромѣ того онъ заливалъ огонь и отъ дыма почти можно было задохнуться. Такъ какъ дрова были мокры, то и на другое утро онъ не могъ развести огня и не могъ сварить себѣ утренняго кофе, что онъ обыкновенно совершалъ слѣдующимъ порядкомъ: кускомъ твердаго дерева онъ толокъ кофейныя зерна въ жестяномъ котелкѣ, потомъ наливалъ въ него воду, вѣшалъ его надъ огнемъ, и кофе скоро закипалъ. Но послѣ дождливой ночи онъ долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что просто жевалъ кофейныя зерна и запивалъ ихъ холодною водою. Но Абрагамъ не унывалъ и даже не терялъ веселости, зная, что скоро опять выглянетъ солнце и все опять будетъ хорошо. Одинъ разъ, однако, вода сыграла съ нимъ шутку, которая таки дорого обошлась ему.

Былъ восхитительный вечеръ. Звѣзды такъ и сіяли на небѣ. Абрагамъ часто поднималъ къ нимъ глаза отъ своей юридической книги и думалъ невольно о томъ мірѣ, гдѣ не нужно болѣе законовъ противъ злыхъ и дурныхъ людей. У ногъ его журчалъ ручей, бѣжавшій съ горъ, и звѣзды въ немъ отражались. Подъ впечатлѣніемъ прелестной мѣстности и тихой, теплой ночи, онъ скоро крѣпко

заснулъ. Грезы превратились въ пріятнѣйшіе сны. Вдругъ странное явленіе пробудило его изъ сладкаго сна. Онъ не зналъ сначала, что съ нимъ случилось: ужь не подшутилъ ли кто надъ нимъ, не перенесъ ли его отъ журчащаго ручейка къ большой, бѣшеной рѣкѣ? Вода у ногъ его плескалась и пѣнилась, издали доносились до него какой-то зловѣщій гулъ и шумъ. Онъ протеръ глаза, не вѣря имъ—но вотъ, вода уже коснулась его ногъ. Онъ быстро вскочилъ и хотѣлъ собрать свои вещи, чтобы поскорѣе уйти. Но было уже поздно. Не успѣлъ онъ оглянуться, какъ вода уже была ему по колѣно, а минуту спустя—и по грудь. Онъ все бросилъ и думалъ уже только о томъ, чтобы хоть самому-то какъ нибудь отстоять себя отъ нападающихъ на него волнъ. Не обращая вниманія на то, что цѣпь, астролябія и прочее его имущество весело уплываетъ отъ него, онъ протянулъ руки вверхъ и къ счастью онѣ встрѣтили низко свѣсившуюся вѣтвь дерева, за которую онъ и уцѣпился. Онъ повисъ на рукахъ и по спасительной вѣткѣ добрался и до дерева. Жизнь его была спасена, но все имущество безвозвратно погибло, кромѣ юридической книги, которая лежала у него въ боковомъ карманѣ. Вода, между тѣмъ, убыла также быстро какъ прибыла и часъ спустя ручей журчалъ попрежнему невинно, какъ будто ничего никогда не бывало. Вѣроятно гдѣ нибудь далеко прорва-

лась какая нибудь плотина и тотчасъ же опять была приведена въ исправность.

X.

Линкольнъ—адвокатъ.

Въ Америкѣ и теперь еще общественный строй не вездѣ установился—а въ то время еще менѣе. Поэтому адвокатамъ было довольно дѣла и они заработывали большія деньги. Если адвокатъ, сверхъ того, былъ человѣкъ безусловно честный и неподкупный, какъ нашъ герой, то онъ становился очень и очень важнымъ лицомъ. Линкольнъ весьма скоро пріобрѣлъ себѣ извѣстность, какъ искусный защитникъ. Одинъ случай, надѣлавшій много шума въ газетахъ, привлекъ на него всеобщее вниманіе.

Въ Петербургѣ въ одно прекрасное утро замѣтно было большое волненіе: ночью одинъ зажиточный молодой человѣкъ былъ убитъ въ уличной дракѣ.

Вдова Армстронгъ, бывшая Линкольнова хозяйка, убирала у себя комнаты, какъ вдругъ одна ея сосѣдка, давнишняя ея пріятельница, вбѣжала къ ней въ страшномъ волненіи:

— Ахъ, Боже! Боже мой! запыхалась она; — слышали вы?... Онъ вѣдь умеръ!

— Кто такой?

— Ахъ, да этотъ молодой человѣкъ, Уильямъ. Онъ прожилъ всего еще нѣсколько часовъ!

— А что съ нимъ было? ударъ, чтоли, или несчастіе какое?

— Такъ вы еще не знаете?... Какже я рада, что прибѣжала къ вамъ первая, пока вы еще не слыхали отъ другихъ!... Каково же матери узнать такое дѣло о родномъ сынѣ!

— Да, жаль его матери, бѣдной! Мой Джонъ, правда, всегда говоритъ, что онъ довольно безпутный; но вѣдь они съ нимъ не ладили.

— То-то, то-то и бѣда!

— Да скажите же наконецъ, что съ нимъ случилось?

— Ахъ, бѣдная вы, несчастная женщина! На старости лѣтъ—и дожить до такого горя.

Она бросилась на шею пріятельницѣ и зарыдала.

— Ради Бога, что съ вами такое? Это вы обо мнѣ?

Она вырвалась изъ объятій сосѣдки и съ испугомъ взглянула ей въ лице.

— А то о комъ же? Вѣдь вашъ сынъ его убилъ! брякнула она.

— Мой сынъ!...

Она пошатнулась; секунду она подержалась за кровать, потомъ упала на нее головой въ подушки.

Добрая сосѣдка намѣревалась сообщить ей ужасную вѣсть по-немногу, исподволь, щадя ее по возможности; и вдругъ—она разомъ вонзила ей ножъ въ сердце. Она сама совсѣмъ растерялась отъ испуга и огорченія. Ей не надо было говорить бѣд-

ной матери всю правду, а только сказать, что люди такъ говорятъ, но что она не вѣритъ.

Вдова Армстронгъ лежала неподвижно, только грудь ея сильно вздымалась—она была въ обморокѣ. Пріятельница звала ее, трясла — напрасно. Она ее схватила за руки:

— Опомнитесь! рыдала она;—вѣдь это навѣрное неправда!

Ничего не помогало. Она къ счастью вспомнила, что холодная вода лучшее средство въ такихъ случаяхъ, и мокрымъ полотенцемъ принялась тереть ей лице, виски. Наконецъ вдова пришла въ себя. Она открыла глаза. Немного спустя она поднялась.

— Прошло! проговорила она.—Теперь садитесь сюда ко мнѣ и разскажите мнѣ все, на счетъ моего сына. Это конечно вышла ошибка: онъ этого не сдѣлалъ. Но люди уже такъ привыкли: все сваливать на него.

— Ну конечно! У него ужасно много враговъ, потому что онъ такой горячій и сейчасъ лѣзетъ драться. Но я вѣдь сейчасъ сказала, что не онъ.

— Разскажите мнѣ все, ничего не скрывайте.

— Вы пожалуй подумаете, что это я все сочинила; но такъ вѣрно какъ я здѣсь стою...

— Ахъ, пожалуйста!...

— Ну, я вамъ скажу все, какъ я слышала. Вчера вечеромъ, сынъ вашъ говорятъ, былъ въ трактирѣ въ ближайшей отъ города деревнѣ съ Уильямомъ и другими, Уильямъ опять завелъ раз-

говоръ о войнѣ съ индѣйцами. Въ то время Джонъ былъ сдѣланъ начальникомъ отряда, какъ вы знаете, а не Уильямъ, хотя онъ и богаче. Онъ, т. е. Уильямъ, поэтому не слушался его и говорилъ ему дерзости; вотъ однажды вашъ сынъ и велѣлъ привязать его на сутки къ дереву.

— Ну да, и тотъ никогда ему не могъ этого простить. Такъ изъ-за этого опять вышла ссора?

— Именно. Ввязались и другіе; всѣ подвыпили и вмѣстѣ вышли. Дорогою произошла драка и тутъ то, вашъ сынъ, будто бы, убилъ Уильяма ножемъ. Ну вотъ вамъ—теперь знаете!

— Да неужели непремѣнно мой сынъ?

— Всѣ такъ говорятъ, вѣроятно оттого, что онъ былъ ему врагомъ, притомъ имѣетъ такой горячій нравъ и сейчасъ даетъ волю рукамъ... Однако гдѣ же онъ теперь?

— Ушелъ въ поле.

— И ничего вамъ не сказалъ?

— Нѣтъ, ни слова. Но я за завтракомъ замѣтила, что онъ не такой какъ всегда.

— Однако, мнѣ пора. Не сердитесь, что я къ вамъ пришла. И не мучьте себя слишкомъ... Прощайте!

Едва сосѣдка ушла, вдова бросила все хозяйство и побѣжала въ поле къ сыну. Сердце у нея надрывалось, она хотѣла узнать всю правду, во что бы то ни стало. Джонъ поблѣднѣлъ, когда увидѣлъ мать. Она взяла обѣ его руки въ свои.

— Джонъ, сказала она ему:—много я о тебѣ пролила слезъ. Теперь скажи мнѣ правду: ты убилъ Уильяма?

— Нѣтъ, не я—клянусь вамъ.

— Но ты былъ при убійствѣ?

— Былъ.

— Кто же убилъ?

— Вотъ этого-то я и не знаю.

— Весь городъ называютъ тебя убійцею.

— Я не убійца, матушка; можете мнѣ вѣрить.

— Можешь ты это доказать?

— Нѣтъ, не могу. Но я невиненъ.

— Ахъ, я несчастная мать! Если бы твой отецъ дожилъ до этого!

— Матушка, милая матушка, успокойтесь! повѣрьте—я не убійца!

Мать вся въ слезахъ ушла домой. Джонъ не хотѣлъ пустить ее одну; онъ забралъ инструменты и пошелъ за нею. Онъ шелъ нетвердыми шагами. Уже дѣти показывали на него пальцами, взрослые сжимали кулаки и провожали его проклятіями. Едва онъ вошелъ къ себѣ, какъ уже домъ былъ окруженъ народомъ. Почти тотчасъ же вошли за нимъ два полицейскіе служителя и объявили Джону, что имъ приказано арестовать его. Джонъ гнѣвно посмотрѣлъ на нихъ,—жила на лбу его налилась.

— Сопротивленіе ничего не поможетъ, предупредилъ его одинъ и вынулъ револьверъ, между тѣмъ

какъ у другаго откуда то явилась въ рукахъ пара желѣзныхъ поручней.

— Меня вязать? Какъ вы смѣете?... Никогда этого не будетъ.

— Ради Бога, Джонъ! бросилась къ нему мать;— ты только надѣлаешь еще бо̀льшую бѣду. Ты вѣдь невиненъ, такъ будь спокоенъ и иди.

— Да, я пойду, но добровольно, объявилъ онъ;— вязать я себя не дамъ, я не преступникъ.

Револьверъ и поручни исчезли и Джонъ пошелъ со служителями закона. Они его оберегали отъ толпы, которая все больше бушевала и обнаруживала большое желаніе самой расправиться съ мнимымъ убійцею.

„Хватайте его!"—„Обваляйте перьями!" *) раздавалось съ разныхъ сторонъ. Всѣ враги, которыхъ Джонъ пріобрѣлъ себѣ еще со времени бытности своей въ школѣ, теперь выступили противъ него. Пришлось призвать еще многихъ полицейскихъ, чтобы арестанта доставить въ тюрьму цѣлымъ и невредимымъ. Да и послѣ того передъ тюрьмою былъ поставленъ сильный караулъ, потому что

---

*) Эта народная расправа заключается въ томъ, что человѣка всего обмазываютъ дегтемъ, потомъ вываливаютъ въ пуху и перьяхъ, и въ такомъ видѣ носятъ по улицамъ на двухъ шестахъ. Каждый имѣетъ право бросать въ него гнилыми яблоками или яйцами. Иногда случается, что въ заключеніе представленія несчастнаго вѣшаютъ.

толпа грозила выломать двери, чтобы добраться до обвиненнаго и по своему распорядиться съ нимъ.

Вся эта исторія не замедлила попасть и въ газеты. Джонъ былъ прямо выставленъ убійцею, котораго скорой казни народъ справедливо требуетъ.

Первый допросъ судебнаго слѣдователя обѣщало ему мало хорошаго.

— Давно вы были знакомы съ убитымъ?

— Давно.

— Вы вмѣстѣ воевали противъ Чернаго Сокола?

— Да.

— Правда ли, что вы уже съ того времени относились къ нему враждебоно?

— Правда.

— Въ тотъ день когда случилось убійство, вы были въ трактирѣ?

— Былъ.

— Тамъ вы съ нимъ опять поссорились?

— Да.

— Вы не отрицаете, что во время свалки вы схватили убитаго руками и держали его?

— Нѣтъ, не отрицаю.

— Не отрицаете и того, что когда вы его выпустили онъ повалился?

— Нѣтъ.

— Вы признаете окровавленный ножъ, найденный на томъ мѣстѣ гдѣ вы стояли, за свой?

— Признаю.

— А тотъ, который былъ найденъ на васъ, за ножъ убитаго?

— Да.

— Какъ онъ къ вамъ попалъ?

— Я его вырвалъ у него изъ руки.

— Такъ какъ вашъ ножъ окровавленъ, то очевидно вы—убiйца.

— Нѣтъ, не я.

— Ваше отпирательство вамъ ничего не поможетъ. Улики, которыхъ вы сами не можете оспаривать, слишкомъ ясно говорятъ противъ васъ. Или вы можете иначе изложить какъ было дѣло?

— Не могу.

— Можете ли вы указать на кого нибудь какъ на убiйцу?

— И этого не могу.

— Въ такомъ случаѣ дѣло ваше плохо!

И допросъ былъ напечатанъ въ газетахъ. Отвѣты Джона считались признанiями.

Изъ газетъ же адвокатъ Абрагамъ Линкольнъ узналъ, въ какое ужасное положенiе попалъ сынъ его друзей. „Не Джонъ убiйца! говорилъ ему внутреннiй голосъ:—надо спасти его.“

Онъ тотчасъ же написалъ вдовѣ Армстронгъ, что онъ, убѣжденный въ душѣ, что сынъ ея невиненъ, берется защищать его и употребитъ всѣ старанiя, чтобы его спасти.

Приближался уже день окончательнаго суда надъ Джономъ, съ участьемъ присяжныхъ. Такъ какъ

общественное мнѣніе уже рѣшило дѣло заранѣе противъ несчастнаго, то не могло быть сомнѣнія въ ихъ приговорѣ. Нельзя было терять времени. Линкольнъ поспѣшилъ обратиться къ подлежащему суду, заявилъ о себѣ какъ о защитникѣ подсудимаго и потребовалъ отсрочки. На требованіе его судъ согласился. Тогда онъ поѣхалъ на мѣсто и добился того, что процессъ былъ перенесенъ въ тотъ округъ (district) въ которомъ произошло убійство. Онъ основывалъ свое требованіе на томъ, что присяжнымъ недостаетъ самаго главнаго свойства судей—безпристрастія, такъ какъ между ними есть личные друзья покойнаго и личные враги подсудимаго; притомъ ихъ собственное сужденіе слишкомъ затемнѣно общественнымъ мнѣніемъ. Нельзя было съ нимъ не согласиться.

Выигранное время Линкольнъ употребилъ на изученіе дѣла и протоколовъ допросовъ. Онъ долженъ былъ согласиться, что Джонъ могъ бы больше сдѣлать для своего спасенія, если бы обладалъ бо̀льшимъ присутствіемъ духа и бо̀льшимъ даромъ слова. Съ другой стороны немногословные отвѣты его представляли ту выгоду, что онъ покрайней мѣрѣ не запутался въ противорѣчіяхъ.

Чѣмъ болѣе Линкольнъ вникалъ во всѣ обстоятельства дѣла, тѣмъ болѣе онъ убѣждался въ невинности Джона, такъ какъ показанія именно главнаго свидѣтеля отличались большими несообразностями. Какъ ни обрадовало его это открытіе, онъ

не сказалъ о немъ ни одной душѣ, даже матери подсудимаго.

Настал наконецъ день судоговоренія. Линкольнъ смѣшался съ толпою, чтобы не быть замѣченнымъ до поры до времени.

Явились сначала въ качествѣ свидѣтелей тѣ изъ лицъ участвовавшихъ въ дракѣ, которыхъ удалось открыть и вытребовать въ судъ. Между ними были и друзья и враги подсудимаго. Ихъ показанія были согласны до послѣдняго момента происшествія, или вѣрнѣе до вывода. Всѣ показали, что многіе приняли участье въ дракѣ, но что Джонъ Армстронъ, какъ главный противникъ Уильяма, схватилъ его; что произошелъ страшный сумбуръ; что вдругъ Джонъ выпустилъ Уильяма и тотъ свалился, раненый ножемъ подъ лопаткою, какъ послѣ оказалось; что раненый потерялъ сознаніе и умеръ черезъ нѣсколько часовъ; что на мѣстѣ происшествія былъ найденъ ножъ, который впослѣдствіи оказался принадлежащимъ Джону. Изъ всего этого враги его заключили, что онъ убійца, друзья же говорили: „Никто этого утверждать не можетъ, потому что никто не видѣлъ: слишкомъ все было перепутано.“

Явился главный свидѣтель. Лице его было совершенно спокойно, онъ говорилъ твердо и съ увѣренностью. Онъ началъ:

— Господа, — то, чего участвовавшіе въ дѣлѣ не могли видѣть, потому что они находились слишкомъ близко и были слишкомъ взволнованы, то я

видѣлъ издали: *мѣсяцъ свѣтилъ такъ якрко, что я могъ каждаго узнать.* Я видѣлъ, какъ подсудимый поднялъ правую руку и нанесъ ударъ. Тогда раненый упалъ. Я уже принялъ свидѣтельскую присягу и теперь готовъ еще подтвердить подъ присягою каждое мое слово.

Предсѣдатель суда не счелъ нужнымъ освѣдомиться о защитникѣ, такъ какъ онъ считалъ улики совершенно достаточными. Въ краткихъ словахъ онъ обратился къ присяжнымъ съ увѣщаніемъ: исполнить свой долгъ.

Тогда изъ среды публики поднялась длинная фигура съ строгимъ лицемъ и нахмуреннымъ лбомъ. Это былъ Абрагамъ Линкольнъ. Всѣ взоры устремились на него когда онъ подошелъ къ рѣшеткѣ.

— Я — защитникъ подсудимаго, адвокатъ Абрагамъ Линкольнъ изъ Спрингфильда, объявилъ онъ,— и прошу уважаемый судъ и почтенную публику выслушать меня.

— Говорите! нехотя сказалъ предсѣдатель; ему было досадно на предстоящую лишнюю трату времени. Линкольнъ началъ свою рѣчь:

— Господа, подсудимый невиновенъ: я въ этомъ твердо убѣжденъ...

По залѣ суда пробѣжалъ тревожный ропотъ и движеніе.

— .... и увѣренъ, что вы со мною вполнѣ согласитесь, послѣ того, какъ я приведу свои доказательства.

— Сдѣлайте одолженіе! молвилъ предсѣдатель.

— Господа, показаніямъ лицъ, принимавшихъ участіе въ свалкѣ, можно придавать весьма мало вѣса, потому что всѣ они, въ минуту происшествія, были въ состояніи слишкомъ возбужденномъ, отъ употребленія крѣпкихъ напитковъ и продолжительнаго спора, чтобы дѣлать точныя, вѣрныя наблюденія. Притомъ никто не доказалъ положительными фактами—даже враги подсудимаго—что именно онъ убилъ покойнаго; послѣдніе только высказываютъ это въ видѣ предположенія. Согласитесь, господа, что предполагать можно все, что угодно. Предположенія ничего не доказываютъ. На основаніи простыхъ предположеній, каждаго изъ участвовавшихъ въ свалкѣ можно посадить на скамью подсудимыхъ.....

— Но окровавленный ножъ! вставилъ предсѣдатель.

— Прекрасно: окровавленный ножъ и то обстоятельство, что покойный свалился, когда подсудимый выпустилъ его, какъ-будто доказываютъ, что онъ совершилъ приписываемое ему преступленіе. Но, господа, вы потеряли изъ вида другое, весьма существенное обстоятельство, а именно, что ножъ покойнаго оказался въ рукахъ у подсудимаго. Этотъ фактъ, въ соединеніи съ обоими предъидущими, доказываетъ, что подсудимый невиновенъ.

— Какимъ это образомъ! Невозможно! пробѣжало по рядамъ публики.

— Достовѣрно то, что подсудимый схватилъ покойнаго *до* нанесенія смертельной раны. При этомъ онъ никакимъ образомъ не могъ держать ножа, потому, что онъ схватилъ его *обѣими* руками....

— Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь это правда!

— Другой поднялъ брошенный имъ ножъ и употребилъ его въ дѣло. Схвативъ противника и держа его, подсудимый никакъ не могъ нанести ему удара, потому во первыхъ, что у него не было ножа—ножъ убитаго не былъ употребленъ—во вторыхъ, потому, что правая рука у него не была свободна, такъ какъ онъ ею долженъ былъ держать вооруженную правую руку противника, чтобы самому не быть раненому.

Въ залѣ поднялся такой шумъ, что предсѣдатель долженъ былъ прибѣгнуть къ звонку.

— Когда покойный, получивъ рану отъ другой руки, не могъ уже сопротивляться и упалъ, его ножъ остался въ рукахъ подсудимаго.

— Господинъ защитникъ, не забывайте показанія главнаго свидѣтеля, сказалъ предсѣдатель.

— Его-то я и не забываю, господа, будьте покойны. Скажу сначала нѣсколько словъ о личности главнаго свидѣтеля. Между нимъ и подсудимымъ существуетъ вражда гораздо болѣе свирѣпая, нежели какая когда-либо существовала между послѣднимъ и убитымъ. Онъ хочетъ устранить его съ дороги, чтобы развязать себѣ руки въ нѣкоихъ домогательствахъ, о которыхъ я не могу подроб-

нѣе распространяться изъ деликатности, относительно одной, достойной всякаго уваженія, молодой дѣвицы.

— Я на васъ подамъ искъ, перебилъ главный свидѣтель.

— Подождите, пока васъ спросятъ, остановилъ его предсѣдатель.

— Что-же касается его показанія, которое онъ далъ съ такою увѣренностью, то это просто—ложь, внушенная ему страстью, продолжалъ Линкольнъ.

— Безсовѣстный! гдѣ доказательства? опять закричалъ свидѣтель.

— Молчите, или я долженъ буду приказать васъ вывести! строго возвысилъ голосъ предсѣдатель.

Абрагамъ продолжалъ:

— Вы требуете доказательствъ? Будутъ и доказательства. Я спрашиваю главнаго свидѣтеля, готовъ-ли онъ подтвердить подъ присягою, что онъ все видѣлъ при лунномъ свѣтѣ?

— Да. Луна ярко свѣтила.

— Въ которомъ часу произошло убійство?

— Въ десять часовъ вечера, отвѣтилъ предсѣдатель.

— Прошу достать мнѣ календарь.

Календарь тотчасъ-же откуда-то явился.

— Въ которомъ часу луна взошла въ ту ночь? спросилъ Линкольнъ.

Предсѣдатель сталъ перелистывать книгу.

— Въ одиннадцать часовъ! явственно произнесъ онъ.

Въ залѣ водворилась мертвая тишина, которая наконецъ была прервана громовымъ голосомъ Линкольна, обратившагося къ уничтоженному главному свидѣтелю.

— Что-же вы не присягаете? Вѣдь вамъ не въ первый разъ присягать въ безбожной лжи! Будемъ надѣяться, что вамъ, когда вы будете стоять подъ висѣлицею, Божье милосердіе будетъ свѣтить ярче, чѣмъ луна въ ту ночь!

Всѣ до сихъ поръ безмолвно, затаивъ дыханіе, слушали и смотрѣли на человѣка, который стоялъ передъ ними, высокій, гнѣвный, со сверкающими глазами, точно духъ карающаго правосудія.

Главный свидѣтель вскочилъ и бросился черезъ залу.

— Держите его! хватайте! раздалось со всѣхъ сторонъ.

Но онъ уже успѣлъ выскочить въ растворенное окно.

Когда спокойствіе было возстановлено, Линкольнъ продолжалъ:

— Господа, мнѣ остается прибавить одно: прежде чѣмъ заходящее теперь солнце исчезнетъ за чертою западнаго горизонта, оно озаритъ свободнаго человѣка!

Присяжные удалились въ сосѣднюю комнату

Черезъ минуту они возвратились и ихъ старшина объявилъ приговоръ: „Не виновенъ!“

Освобожденный стремительно вскочилъ со своего мѣста:

— Гдѣ мой спаситель?

Больше онъ не въ состоянiи былъ выговорить ни слова; слезы душили его, когда онъ бросился на шею своему вѣрному другу, Линкольнъ увлекъ его къ окну и указалъ на заходящее солнце:

— Оно еще не исчезло, и ты свободенъ!

Черезъ радостно-волнующуюся толпу, обступившую побѣдителя и осыпавшую его поздравленiямия притѣснились два счастливыхъ человѣка: мать Джона Армстронга и отецъ Абрагама Линкольна. Линкольнъ самъ сдалъ сына на руки матери, котора не находила словъ, чтобы благодарить его.

— Я сдѣлалъ очень мало, говорилъ защитникъ;— если-бы онъ былъ виновенъ, я бы не могъ уничтожить его вину. Но и это малое—ничто въ сравненiи съ признательностью моею за все хорошее, что я пережилъ въ вашемъ домѣ.

Отецъ радостно прижалъ къ сердцу всѣми восхваляемаго сына и провелъ съ нимъ цѣлый счастливый день въ домѣ Армстронга. Тамъ-же, разумѣется, была и усердная сосѣдка, „съ самаго начала говорившая, что Джонъ невиненъ!“

———

XI.

Линкольнъ—освободитель невольниковъ.

Неожиданный исходъ процесса, описаннаго въ предъидущей главѣ, надѣлалъ страшнаго шума. Газеты пророчившія съ такою увѣренностью совершенно противуположный исходъ, не могли умолчать о своей ошибкѣ. Такимъ образомъ имя Линкольна очутилось на всѣхъ устахъ.

Чѣмъ Линкольнъ сталъ теперь, онъ сдѣлался исключительно благодаря самому себѣ, своими силами, своею головою. Свободно избраннымъ трудомъ онъ поднялся до среды образованной части общества и обезпечилъ себѣ въ немъ видное, почетное мѣсто. По этому въ его глазахъ трудъ, свободно избранный трудъ стоялъ высоко,—выше знатнаго рожденія или большаго наслѣдственнаго состоянія. Онъ презиралъ каждаго кто не хотѣлъ работать—рабовладѣльца—и глубоко жалѣлъ того, кто не могъ работать по своему вкусу, по своимъ способностямъ и для своей выгоды—невольника. Невольничество было его больной струной съ тѣхъ поръ, какъ онъ помнитъ себя, какъ онъ сознательно сталъ чувствовать. Теперь, когда онъ сталъ взрослымъ, зрѣлымъ человѣкомъ, да еще законовѣдомъ, юристомъ, въ немъ говорило уже не одно сердце, а также и разумъ. А то, что говорилъ разумъ, было далеко

не отрадно; онъ говорилъ: „Если не случится что-нибудь совершенно особенное, чего невозможно предвидѣть, нельзя пособить горю, ибо невольничество дозволено закономъ“.

Даже верховное правительство, при существовавшихъ тогда порядкахъ, не могло тутъ сдѣлать ровно ничего. Когда сѣверо-американскія колоніи отдѣлились отъ Англіи, во всѣхъ штатахъ держали невольниковъ, поэтому одинъ изъ параграфовъ конституціи гласилъ:

«Союзное правительство не имѣетъ права отмѣнять или вводить невольничества, а должно предоставлять каждому штату поступать какъ онъ хочетъ, потому что невольничество—домашній вопросъ.»

Закона нельзя было передѣлать, поэтому и освобожденіе невольниковъ казалось немыслимымъ.

Каждый штатъ Сѣверо-Американскаго союза есть отдѣльная республика, т. е. въ нихъ нѣтъ государя, а жители сами избираютъ людей, которые должны управлять ими, изъ своей же среды. Каждый штатъ имѣетъ свое особое правительство. Но такъ какъ всѣ штаты соединились и составили союзъ, то есть общее союзное правительство, во главѣ котораго находится президентъ. Этому — верховному правительству; подчинены правительства всѣхъ отдѣльныхъ штатовъ. Оно пребываетъ въ столицѣ союза, Уашингтонѣ. Туда отдѣльные штаты посылаютъ своихъ представителей или депу-

татовъ. Число депутатовъ, посылаемыхъ каждымъ штатомъ, соразмѣряется численности его населенія. До послѣдней войны, каждый бѣлый считался за одного человѣка, каждый черный или „цвѣтной“—за *три-пятыхъ* человѣка, т. е. *пять* невольниковъ составляли *три* голоса. Понятно, что голосъ этотъ подавали не они, а ихъ владѣльцы, будто-бы за нихъ. Поэтому большое число невольниковъ давало не только большой доходъ, но и большую политическую силу.

Со временемъ сѣверные штаты отмѣнили у себя невольничество, во-первыхъ, потому, что они, по своимъ убѣжденіямъ, считали это учрежденіе безобразнымъ и безчеловѣчнымъ, во-вторыхъ также и потому, что при ихъ, преимущественно промышленной, дѣятельности, невольничій трудъ былъ-бы не удобенъ и даже не выгоденъ. Южные штаты, напротивъ, держали очень много невольниковъ, потому что они какъ-разъ годились для работъ на сахарныхъ, хлопковыхъ и табачныхъ плантаціяхъ и обходились дешевле бѣлыхъ, свободныхъ работниковъ. Иными, простыми словами, жители сѣверныхъ штатовъ ѣли хлѣбъ свой въ потѣ собственнаго лица, а жители южныхъ штатовъ тучнѣли отъ пота своихъ рабовъ.

Вслѣдствіе приведеннаго выше обстоятельства представителей южныхъ штатовъ всегда было больше въ конгрессѣ нежели представителей сѣверныхъ; слѣдовательно южные штаты всегда могли прове-

сти свою волю, когда нужно было выбирать новаго президента или издать новый законъ, и сѣверные штаты, если не хотѣли открытой войны, не могли имъ противиться. Въ особенности при выборахъ въ президенты враги невольничества постоянно проваливались.

Современемъ образовывались все новые штаты и принимались въ общій союзъ. Каждый разъ возникалъ при этомъ вопросъ: „Быть-ли новому штату рабовладѣльческимъ или нѣтъ?“ Южанскіе депутаты съ президентомъ говорили „да!“—сѣверные говорили „нѣтъ!“ — и южане всегда одерживали верхъ. Если сѣверяне упрямились и никакъ не соглашались, южане только говорили: „Хорошо; такъ мы совсѣмъ отдѣлимся отъ союза“. Безъ войны это бы не обошлось, поэтому сѣверные штаты всегда уступали. Однажды случилось даже, что новый штатъ самъ не захотѣлъ вводить у себя невольничества. Тогда рабовладѣльцы сосѣдняго штата вооружились и ворвались въ новый, чтобы силою ввести свои „домашніе порядки“. Фермеровъ, отказывавшихся держать рабовъ, просто прогоняли, а то такъ и убивали, если они оказывали сопротивленіе, причемъ съ ихъ женами и дѣтьми поступали безчеловѣчно и постыдно. Тутъ уже врагамъ невольничества, *аболиціонистамъ*, какъ ихъ начали называть, тоже стало не въ терпежъ: они пришли на помощь молодому штату и прогнали рабовладѣльческія шайки.

Такимъ образомъ разрѣшеніе вопроса о невольничествѣ все болѣе выдвигалось на первый планъ. Наконецъ во всемъ союзѣ остались только двѣ партіи: сторонники и противники невольничества. Абрагамъ Линкольнъ, разумѣется, принадлежалъ къ послѣднимъ.

Уже прежде чѣмъ онъ получилъ право практиковать въ качествѣ адвоката, онъ былъ избранъ въ члены законодательнаго собранія штата Иллинойса. Каждый разъ какъ надо было посылать депутатовъ въ Уашингтонъ—для того-ли чтобы выбрать новаго президента, что въ Америкѣ происходитъ черезъ каждые четыре года, или просто въ конгрессъ,—онъ ѣздилъ по многимъ штатамъ и говорилъ рѣчи народу, увѣщевая его избрать такихъ людей, которые дѣйствовали бы не за рабство, а *противъ* рабства. Его рѣчи всегда производили сильное впечатлѣніе, потому что онъ безъ пышнаго набора словъ, но съ чрезвычайною ясностью и простотою, доступною всѣмъ, доказывалъ, что невольничество—дѣло богопротивное, притомъ вредное для всего народа. Относительно послѣдняго соображенія онъ, въ одной своей рѣчи, сказалъ слѣдующее: «Когда человѣкъ обращается со своимъ ближнимъ какъ со скотомъ, то обѣ стороны отъ этого грубѣютъ; грубость же нравовъ всегда заставляетъ народъ отставать и навлекаетъ на него презрѣніе всѣхъ образованныхъ націй. Въ странѣ, въ которой существуетъ невольничество, никогда не можетъ быть

мира, потому что угнетенный постоянно выжидаетъ случая отмстить своему мучителю и, если находитъ его, то поступаетъ съ большею жестокостью, чѣмъ лютый звѣрь. Въ странѣ же, гдѣ нѣтъ мира, нѣтъ благоденствія. Наконецъ, негры могутъ исправлять только самыя грубыя работы, потому что они не имѣютъ права чему-нибудь учиться, имѣть школы; если бы они стали свободны, то безъ сомнѣнія могли-бы, въ качествѣ свободныхъ работниковъ, помогать намъ въ трудѣ всякаго рода».

Линкольнъ никогда не предлагалъ силою вынудить отмѣну невольничества у рабовладѣльческихъ штатовъ, потому что онъ всякій законъ свято чтилъ, но онъ неуклонно настаивалъ на томъ, чтобы оно въ новыхъ штатахъ не вводилось.

Онъ, конечно, былъ не единственнымъ дѣятелемъ и ораторомъ своей партіи, но несомнѣнно однимъ изъ самыхъ честныхъ. У другихъ часто проглядывало что-то, что наводило на мысль: „А! этотъ хочетъ попасть въ депутаты, поэтому и говоритъ такъ красно“, а конечно къ такимъ народъ относился болѣе или менѣе подозрительно, недовѣрчиво. У Линкольна же не бывало честолюбивой задней мысли. Когда его въ первый разъ избрали депутатомъ въ конгрессъ, онъ отказался отъ такой чести, на томъ основаніи, что, по его мнѣнію, многіе лучше его годились для этого дѣла.

Рѣчи его остались не безуспѣшными. Число ед-

путатовъ, дѣйствовавшихъ противъ невольничества, увеличивалось съ каждымъ годомъ. Отъ южанъ не было тайною, кому они по преимуществу этимъ обязаны. Имъ вскорѣ предстояло еще лучше узнать бойца за равноправность всѣхъ людей. Линкольнъ долженъ былъ наконецъ уступить настоятельнымъ требованіямъ своихъ приверженцевъ и отправиться въ Уашингтонъ депутатомъ.

Тотъ, кто видѣлъ бы его въ конгрессѣ, когда онъ молча слушалъ другихъ, не повѣрилъ бы, что это—замѣчательный человѣкъ: онъ какъ будто дремалъ. Закинувъ одну ногу на другую, съ низко опущенною головою онъ сидѣлъ, и только иногда покусывалъ себѣ ногти. Но какъ только высказывалось что нибудь противное закону или правосудію, онъ поднимался, выпрямлялся во весь свой огромный ростъ и побивалъ говорившаго немногими, но мѣткими и полновѣсными словами. Поэтому каждый ораторъ, особенно если былъ несовсѣмъ увѣренъ въ своей правотѣ, не выпускалъ изъ вида эту небрежно сгорбившуюся личность, занятую, повидимому, исключительно собственными ногтями.

Выборомъ въ депутаты Линкольнъ былъ обязанъ не однимъ своимъ американскимъ друзьямъ, а также, въ значительной мѣрѣ, и нѣмцамъ, поселившимся въ сѣверныхъ штатахъ. Съ каждымъ годомъ усиливалась эмиграція изъ Германіи и нѣмецкіе выходцы поселялись все дальше на западѣ и сѣверо-западѣ Сѣверной Америки. Линкольнъ

пользовался полнымъ ихъ сочувствіемъ, какъ человѣкъ честный, стойкій, движущійся впередъ хотя и медленно, но вѣрно, безъ опрометчивости, безъ колебаній и безъ промаховъ. Въ жгучемъ вопросѣ о невольничествѣ они рѣшительно и энергически приняли его сторону. Это было совершенно естественно, потому что многіе изъ нихъ именно потому ушли изъ родной страны, что съ ними тамъ поступали почти какъ съ рабами. Линкольнъ съ своей стороны платилъ имъ искреннимъ уваженіемъ за ихъ самостоятельность и любовь къ независимости.

У многихъ нѣмецкихъ поселенцевъ были плантаціи хлопка и табаку; они воздѣлывали ихъ безъ помощи невольничьяго труда и достигали бо̀льшихъ результатовъ, нежели рабовладѣльцы. Этимъ фактомъ Линкольнъ не преминулъ воспользоваться. Каждый разъ какъ депутаты юга представляли содержаніе невольниковъ роковою необходимостью, потому что никто никогда добровольно не примется за такую тяжелую и непрерывную работу, онъ указывалъ на сѣверныхъ плантаторовъ, отлично управлявшихся безъ невольниковъ. Мало того, онъ цифрами доказалъ, что они получаютъ больше чистаго барыша, чѣмъ рабовладѣльцы; потому что ихъ не обкрадываютъ, притомъ они не вынуждены кормить больныхъ, дѣтей, неспособныхъ къ работѣ женщинъ и стариковъ, а платятъ лишь настоящимъ работникамъ, работающимъ по своей охотѣ, на себя, а потому съ толкомъ и успѣхомъ.

Лѣнивые и спѣсивые потомки испанскихъ и французскихъ колонистовъ не могли или не хотѣли согласиться съ нимъ и сдѣлались непримиримыми врагами его, между тѣмъ какъ свободные штаты утверждались въ безусловной преданности его взглядамъ.

Въ 1860 г. кончался четырехлѣтній срокъ, на который былъ избранъ тогдашній президентъ. Онъ былъ южанинъ, самъ держалъ невольниковъ и потому держалъ сторону рабовладѣльцевъ. Въ министры онъ назначалъ только людей, раздѣлявшихъ его мысли и виды. Будетъ ли онъ выбранъ вторично?... Этотъ вопросъ сильно волновалъ весь союзъ. Южане выставили своего кандидата, сѣверяне своего. Этимъ послѣднимъ былъ Абрагамъ Линкольнъ—и онъ былъ выбранъ. Сѣверъ ликовалъ; Югъ злился и замышлялъ недоброе. Прежній президентъ еще полгода продолжалъ исправлять свою должность, но южане, не дожидаясь его окончательнаго удаленія, исполнили свою давнишнюю угрозу: объявили о своемъ выступленіи изъ союза, хотя новый президентъ еще ни однимъ словомъ не высказался о своихъ будущихъ дѣйствіяхъ. Шесть южныхъ штатовъ подали примѣръ: Южная Каролина, Алабама, Флорида, Миссисипи, Луизіана и Техасъ. Это былъ открытый бунтъ противъ союзнаго государства, государственная измѣна, къ подавленію которой президентъ долженъ былъ бы немедленно принять самыя энергическія мѣры; но онъ ничего не сдѣлалъ, а Линкольнъ еще

не имѣлъ права дѣйствовать. Такимъ образомъ война стала неизбѣжною.

Теперь и освобожденіе негровъ стало возможно, потому что тотъ, кто возстаетъ противъ правительства, не признаетъ законовъ, слѣдовательно не можетъ разсчитывать на ихъ покровительство. Законъ о томъ, что невольничество есть домашнее дѣло каждаго штата и потому не подлежитъ вмѣшательству верховной власти, не могъ уже больше защищать южанъ, потому что они своимъ возстаніемъ, уничтожили его вмѣстѣ со всѣми прочими законами.

Сначала положеніе сѣверянъ было незавидно. Президентъ допустилъ перевезти на югъ множество оружія и военныхъ припасовъ, такъ что арсеналы на сѣверѣ почти опустѣли. Абрагамъ Линкольнъ занялъ президентское кресло лишь 5 марта 1861 г. Враги его были уже совершенно готовы, и тотчасъ же выбрали себѣ отдѣльнаго президента, Джефферсона Дэвиса, и не замедлили начать нападенія на союзныя крѣпости, лежащія ближе къ югу.

Четыре года длилась борьба съ различнымъ успѣхомъ. Линкольнъ иногда не зналъ, откуда онъ черезъ день или два возьметъ пищу, деньги и одежду для сотенъ тысячъ людей, но сѣверные штаты, безпримѣрнымъ упорствомъ, выносливостью, щедростью и самопожертвованіемъ, каждый разъ выручали общее дѣло.

Срокъ президентства Линкольна кончался, а югъ еще не былъ побѣжденъ. Это былъ критическій моментъ для Линкольна. Теперь должно было оказаться, остались ли его приверженцы вѣрны ему, или пошатнулись отъ тяжести принесенныхъ жертвъ. Линкольнъ былъ вторично избранъ: народъ, стало быть, одобрилъ и утвердилъ все, сдѣланное имъ.

Это было самымъ ужаснымъ ударомъ для южанъ. Они видѣли передъ собою близкую погибель и боролись отчаянно. Они не отступали ни передъ какимъ злодѣяніемъ, ни передъ какимъ позоромъ. Но имъ не удалось! Уже четыре мѣсяца послѣ вторичнаго избранія Линкольна они потерпѣли окончательное пораженіе и—невольники стали свободными людьми.

Справедливость требуетъ упомянуть, что невольники не безучастными зрителями ждали рѣшенія своей судьбы. Линкольнъ призвалъ ихъ къ оружію и они храбро дрались за свободу. Но освобожденіемъ ихъ изъ рабства великое дѣло было еще далеко не окончено: надо было позаботиться о ихъ развитіи, обученіи, о доставленіи имъ дѣла, и пр. и пр. Къ несчастью Линкольну не суждено было самому довести начатое имъ до славнаго конца; мы видѣли выше какъ онъ погибъ, жертвою безсильной злобы побѣжденныхъ рабовладѣльцевъ, въ полномъ смыслѣ слова—мученикомъ свободы.

71.2009.084.10072

ЗОЛОТАЯ БИБЛІОТЕКА

НОВАЯ КОЛЛЕКЦІЯ КНИГЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

въ изящныхъ изданіяхъ, въ оригинальныхъ золототисненыхъ переплетахъ.



ЦѢНА КАЖДАГО ТОМА 1 Р. 50 К.

Эта новая коллекція книгъ для дѣтей разныхъ возрастовъ, предпринятая Товариществомъ М. О. Вольфъ, имѣетъ цѣлью дать въ руки дѣтей наиболѣе выдающіяся и популярныя произведен. такъ-называемой «литературы для дѣтей», русской и иностранной, а также классическія произведенія европейскихъ писателей, примѣнен. къ дѣтскому возрасту, въ изящныхъ иллюстрирован. изданіяхъ, по чрезвычайно дешевой цѣнѣ.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ БАСЕНЪ КРЫЛОВА, съ біографіею и словаремъ **М. Н. Никольскаго**, съ портретами, видами памятника и могилы Крылова. Съ 32 рисунками Н. Ольшанскаго и П. Беллингерста. Изд. второе.

ВЕСЕЛЫЕ РАЗСКАЗЫ. В. Буша. Переводъ **К. Н. Льдова**, съ 498 рисунками въ текстѣ. Изданіе второе.

ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ. Арабскія сказки. Въ обработкѣ для русскихъ читателей **А. Аѳанасьева-Чужбинскаго.** Съ рисунками.

НОРВЕЖСКІЯ СКАЗКИ П. ХР. АСБЬЕРНСЕНА. Переводъ **С. М. Макаровой**, съ 25 отдѣльными картинами и 47 политипажами въ текстѣ.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ, съ 3 рисунками въ текстѣ и 23 отдѣльными картинами **Анненскаго, Панова, Тейхеля и др.** Изд. второе.

ЛУЧШІЯ СКАЗКИ АНДЕРСЕНА, съ 130 рис. и 7 отд. карт. Изданіе третье.

ИЗБРАННЫЯ СКАЗКИ БРАТЬЕВЪ ГРИММЪ. Переводъ **Е. И. Песковской**, съ предисловіемъ **П. М. Ольхина**, съ 78 рисунками въ текстѣ. Изданіе третье.

СКАЗКИ ГАУФА, съ 21 иллюстрац. и 20 отдѣльными картин. Изд. второе.

СКАЗКИ ПЕРРО, съ 46 иллюстраціями **Густава Доре.** Изд. второе.

ДОНЪ-КИХОТЪ ЛАМАНЧСКІЙ. Сочиненіе **Сервантеса**, переведенное. Передѣланное для дѣтей **А. Гречемъ**, съ 79 рис. **Густава Доре.** Изд. второе.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ МЮНХГАУЗЕНА. Первый полный переводъ на русскомъ языкѣ **Е. Песковской**, съ иллюстраціями **Густава Доре.** Изд. второе.

РЕЙНЕКЕ-ЛИСЪ. Соч. **Вольфганга Гёте**, примѣн. къ дѣтскому возрасту **М. Песковскимъ**, съ автотип. рис. въ текстѣ и 7 отдѣльн картин. Изд. второе.

ПУТЕШЕСТВІЯ ГУЛЛИВЕРА по многимъ отдаленнымъ и неизвѣстнымъ странамъ свѣта. Соч. **Джонатана Свифта**, перев. съ англ. **М. Никольскаго.** Съ біограф. автора, 39 отдѣльн. картин. и 35 рис. въ текстѣ. Изд. второе.

СОНИНЫ ПРОКАЗЫ. Сочин. **графини Сегюръ**, урожд. Ростопчиной. Перев. съ французск., съ 33 рис. въ текстѣ и 15 отдѣльн. картин. Третье изданіе.

ПРИМѢРНЫЯ ДѢВОЧКИ. Сочиненіе **графини Сегюръ**, урожд. Ростопчиной Переводъ съ французскаго съ 20 рисунками. Изданіе второе.

КАНИКУЛЫ. Сочиненіе **графини Сегюръ**, урожд. Ростопчиной. Переводъ съ французскаго. Съ рисунками. Изданіе второе.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА. Соч. **Бичеръ-Стоу**, примѣнен. къ дѣтскому возрасту **М. Песковскимъ**, съ 101 рис. въ текстѣ и 13 отдѣльн. картин. Изд. второе.

МАЛЕНЬКІЙ ЛОРДЪ ФАУНТЛЕРОЙ. Разсказъ для дѣтей **Ф. Г. Бернеттъ.** Съ 24 рисунками **Р. Г. Берчъ.** Изданіе второе.

ЗАПИСКИ ШКОЛЬНИКА (Cuore). Сочиненіе **Де-Амичисъ**, съ предисловіемъ **М. Л. Песковскаго**, съ 15 рис. въ текстѣ и 32 отд. картин. Изд. третье.

МАЛЕНЬКІЯ ЖЕНЩИНЫ или Мегъ, Джо, Бетси и Эми. Повѣсть. **Луизы Олькотъ**, съ 89 рис.

МАЛЕНЬКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ. Исторія одного ребенка (Petit Chose) **Альфонса Додэ**, переводъ М. Л. Лихтенштадтъ, 73 иллюстрац. Изданіе второе.

ПРИНЦЪ и НИЩІЙ. Разсказъ для юношества всѣхъ возрастовъ **Марка Твэна.** Переводъ **Н. С. Вѣтвина** съ 146-ти рисунками.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ТОМА СОЙЕРА. Повѣсть для юношества всѣхъ возрастовъ **Марка Твэна.** Переводъ М. Н колаевой. Съ 65 рисунками.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ГЕККЕЛЬБЕРРИ ФИННА. Повѣсть для юношества всѣхъ возрастовъ **Марка Твэна**, перев. графини А. З. Муравьевой. Съ рисунками.